

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Понятия и признаки хищения в российском уголовном праве»

Обучающийся

В.В. Ветров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы хищения детерминирована не только значительной распространенностью рассматриваемых деяний, но и их выраженными деструктивными социально-экономическими последствиями. Преступления против собственности наносят многоплановый ущерб: во-первых, прямой материальный урон конкретным физическим и юридическим лицам; во-вторых, системный вред экономике государства через дестабилизацию имущественного оборота; в-третьих, негативное воздействие на общественную безопасность и психологический климат в социуме, что проявляется в росте социальной напряженности и снижении качества жизни населения.

С юридической точки зрения, хищение чужого имущества (независимо от формы собственности) представляет собой уголовно наказуемое деяние, обладающее следующими обязательными признаками: противоправность изъятия; безвозмездность; умышленный характер действий виновного; направленность умысла на обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц; причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу. Ключевым элементом субъективной стороны хищения выступает корыстная цель, что отличает его от иных имущественных преступлений.

В Российской Федерации хищения традиционно занимают лидирующее положение в структуре имущественной преступности. Криминологическая классификация выделяет следующие основные формы хищений: кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ). Каждая из указанных форм обладает специфической объективной стороной и представляет различную степень общественной опасности, что учитывается законодателем при дифференциации уголовной ответственности.

Настоящее исследование ставит своей целью комплексный анализ уголовно-правового понятия хищения, включая его юридическую природу, видовую дифференциацию и признаки состава преступления, с последующей разработкой научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

В качестве объекта исследования выступает система общественных отношений, складывающихся в процессе криминального посягательства на отношения собственности, а также в ходе правового регулирования ответственности за данные противоправные деяния.

Предмет исследования охватывает совокупность норм уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующих вопросы квалификации хищений, а также смежные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы защиты права собственности.

Структура исследования соответствует традиционной логике научного познания и включает вводную часть, три содержательные главы, объединяющие теоретико-методологические, нормативно-правовые и практические аспекты изучаемой проблемы, заключительные выводы, а также список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Хищение в историческом и сравнительно-правовом аспектах.....	9
1.1 Исторические этапы развития отечественного законодательства в части хищения	9
1.2 Хищение в правовых системах зарубежных стран	26
Глава 2 Общетеоретические подходы к понятию хищения	40
2.1 Сущность хищения, его признаки	40
2.2 Формы и виды хищения	55
2.3 Определение предмета хищения	66
Глава 3 Проблемные аспекты правовой регламентации и правоприменительной практики в части хищения и предложения по их разрешению	71
Заключение.....	85
Список используемой литературы и используемых источников	88

Введение

Актуальность исследуемой проблемы детерминирована не только значительной распространенностью хищений, но и их выраженными деструктивными социально-экономическими последствиями. Преступления против собственности наносят многоплановый ущерб: во-первых, прямой материальный урон конкретным физическим и юридическим лицам; во-вторых, системный вред экономике государства через дестабилизацию имущественного оборота; в-третьих, негативное воздействие на общественную безопасность и психологический климат в социуме, что проявляется в росте социальной напряженности и снижении качества жизни населения.

Констатируемый рост показателей осуждений за последний трехлетний период свидетельствует о недостаточной эффективности существующей системы противодействия имущественной преступности. В этой связи представляется необходимым проведение комплексных криминологических исследований, направленных на выявление современных детерминант роста преступлений против собственности, с последующей разработкой научно обоснованных мер профилактического и пресекающего характера.

С юридической точки зрения, хищение чужого имущества (независимо от формы собственности) представляет собой уголовно наказуемое деяние, обладающее следующими обязательными признаками: противоправность изъятия; безвозмездность; умышленный характер действий виновного; направленность умысла на обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц; причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу.

Ключевым элементом субъективной стороны хищения выступает корыстная цель, что отличает его от иных имущественных преступлений.

В Российской Федерации хищения традиционно занимают лидирующее положение в структуре имущественной преступности. Криминологическая классификация выделяет следующие основные формы хищений: кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), грабёж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ). Каждая из указанных форм обладает специфической объективной стороной и представляет различную степень общественной опасности, что учитывается законодателем при дифференциации уголовной ответственности.

Объектом преступного посягательства может выступать как движимое, так и недвижимое имущество, причем современная криминальная практика демонстрирует расширение спектра предметов хищения, включая высоколиквидные материальные ценности, финансовые активы и высокотехнологичное оборудование.

Особую криминологическую проблему представляет мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), которое ввиду высокой латентности и относительной мягкости применяемых санкций создает благоприятные условия для рецидива и перехода к более опасным формам преступного поведения.

Противодействие преступлениям против собственности требует комплексного подхода, включающего: совершенствование законодательной базы; оптимизацию деятельности правоохранительных органов; разработку эффективных мер виктимологической профилактики; повышение уровня правовой культуры населения. Перспективным направлением представляется внедрение современных технологических решений в систему защиты собственности и профилактики преступлений.

Настоящее исследование ставит своей целью комплексный анализ уголовно-правового понятия хищения, включая его юридическую природу, видовую дифференциацию и признаки состава преступления, с последующей разработкой научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и признаки хищения чужого имущества по уголовному законодательству РФ;
- исследовать ненасильственные формы хищений по уголовному законодательству РФ;
- охарактеризовать насильственные формы хищений по уголовному законодательству РФ;
- рассмотреть хищение с причинением значительного ущерба;
- изучить хищение в крупном размере и в особо крупном размере;
- исследовать хищение предметов, имеющих особую ценность.

В качестве объекта исследования выступает система общественных отношений, складывающихся в процессе криминального посягательства на отношения собственности, а также в ходе правового регулирования ответственности за данные противоправные деяния.

Предмет исследования охватывает совокупность норм уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующих вопросы квалификации хищений, а также смежные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы защиты права собственности.

Методологическая база исследования включает: формально-юридический метод, позволяющий осуществить догматический анализ правовых норм; сравнительно-правовой метод, направленный на выявление особенностей правового регулирования в исторической и межотраслевой перспективе; системный метод, обеспечивающий комплексное изучение хищения как социально-правового явления.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права и криминологии, включая монографические исследования, диссертационные работы, научные статьи в рецензируемых изданиях, а также учебно-методические пособия по рассматриваемой проблематике.

Нормативно-правовая база исследования включает положения Уголовного кодекса Российской Федерации (глава 21 «Преступления против

собственности»), соответствующие постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также иные нормативные акты, регулирующие вопросы защиты собственности.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в систематизации научных знаний о природе хищения и разработке концептуальных подходов к совершенствованию уголовно-правового регулирования.

Практическая ценность работы выражается в возможности использования полученных результатов в нормотворческой деятельности, правоприменительной практике, а также в учебном процессе при подготовке юристов.

Структура исследования соответствует традиционной логике научного познания и включает вводную часть, три содержательные главы, объединяющие теоретико-методологические, нормативно-правовые и практические аспекты изучаемой проблемы, заключительные выводы, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Хищение в историческом и сравнительно-правовом аспектах

1.1 Исторические этапы развития отечественного законодательства в части хищения

Историко-правовой анализ формирования норм об ответственности за хищения представляет собой методологически значимый аспект исследования современного уголовного законодательства. Ретроспективное изучение данного вопроса позволяет не только проследить эволюцию правовых конструкций, но и выявить системообразующие факторы, детерминировавшие развитие соответствующих уголовно-правовых норм. Такой подход обеспечивает понимание преемственности правовых традиций и обусловленности современных законодательных решений историческим контекстом.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым осуществить комплексный анализ становления российского законодательства об ответственности за хищения, охватывающий все значимые этапы его развития. Следует отметить, что хотя собственно термин «хищение» в российской юридической доктрине появился лишь в начале XX века, правовые механизмы защиты собственности от противоправных посягательств формировались на протяжении всей истории отечественного права.

Генезис правового регулирования ответственности за имущественные преступления может быть прослежен уже в древнейших памятниках русского права. Особый интерес в этом контексте представляют ранние международные договоры Руси с Византией (X век), содержащие нормы об ответственности за противоправное завладение чужим имуществом. Эти документы демонстрируют формирование первоначальных правовых концепций защиты собственности, которые впоследствии получили развитие

в русском средневековом праве. Историко-правовой анализ позволяет выявить устойчивую преемственность в подходах к квалификации имущественных преступлений, несмотря на существенную эволюцию правовых систем на различных этапах государственного развития России.

Методологически важным представляется рассмотрение эволюции законодательства об ответственности за хищения в контексте социально-экономических преобразований, что позволяет установить корреляцию между изменениями в правовом регулировании и трансформациями экономического уклада общества. Такой подход обеспечивает понимание не только формально-юридических аспектов развития соответствующих норм, но и их социальной обусловленности.

Историческое изучение института ответственности за хищения имеет существенное значение для современной правовой науки, поскольку позволяет выявить устойчивые закономерности правового регулирования имущественных отношений, понять природу современных правовых конструкций и прогнозировать направления дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Ранние международные договоры между Древней Русью и Византийской империей, хронологически относящиеся к IX-X векам, представляют собой исключительную историко-правовую ценность как первые письменные источники, зафиксировавшие нормы ответственности за преступления против собственности в древнерусском праве. Эти дипломатические акты, будучи продуктом сложного взаимодействия византийской правовой традиции и древнерусского обычного права, заложили фундаментальные основы правового регулирования имущественных отношений в формирующемся древнерусском государстве.

Особый интерес для исследования генезиса норм об ответственности за хищения представляет договор 945 года, заключенный князем Игорем с Византийской империей. Данный правовой памятник детально регламентировал вопросы имущественной ответственности, устанавливая

принцип двукратного возмещения стоимости похищенного в соответствии с византийскими правовыми стандартами. Эта норма демонстрирует не только заимствование византийских правовых конструкций, но и осознание древнерусской правящей элитой необходимости установления формализованных мер ответственности за имущественные преступления.

Анализ текстов договоров позволяет выявить формирующуюся систему дифференциации имущественных преступлений. В частности, в них проводится четкое терминологическое разграничение между насильственными («грабеж») и ненасильственными («украсть») формами хищения, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития правовой техники уже в этот исторический период. Примечательно, что указанные термины, впервые зафиксированные в этих международных актах, сохранили свою семантическую нагрузку в современном уголовном праве.

Особого внимания заслуживает предусмотренный договорами механизм санкций за имущественные преступления, сочетавший как имущественные (многократное возмещение ущерба, штрафные санкции), так и телесные наказания. Такой дуализм санкций отражал синтез византийских правовых традиций и древнерусских правовых обычаев, демонстрируя при этом формирование системы охраны собственности как важнейшей социальной ценности.

Значение этих правовых памятников для развития отечественного законодательства об ответственности за хищения трудно переоценить. Они не только зафиксировали первые письменные нормы об имущественной ответственности, но и заложили концептуальные основы защиты права собственности, которые в модифицированном виде сохранили свою актуальность на протяжении последующих веков развития российского права.

Русская Правда, являющаяся древнейшим памятником славянского права, представляет собой исключительную научную ценность для исследования генезиса норм об ответственности за преступления против собственности в отечественной правовой традиции. Данный правовой

сборник, формировавшийся на протяжении XI-XIII веков, осуществляет первую в истории русского права систематизацию правовых норм, закрепляя основы охраны имущественных отношений и устанавливая дифференцированную систему ответственности за их нарушение.

В контексте имущественных правонарушений особый интерес представляет использование в тексте Русской Правды термина «татьба», который в современной историко-правовой науке интерпретируется как собирательное понятие, охватывающее не только собственно кражу (тайное хищение имущества), но и иные формы противоправного завладения чужим имуществом, включая приобретение заведомо похищенного. Такой широкий семантический объем данного термина свидетельствует о недостаточной дифференциации составов имущественных преступлений на ранних этапах развития древнерусского права.

Примечательной особенностью Русской Правды является выделение квалифицированных видов татьбы, к которым относились: хищение ястребов и соколов (ст. 35 Пространной редакции), кража пчел из борти (ст. 76), похищение речных и морских судов (ст. 77). Установление повышенной ответственности за указанные деяния объясняется их особой социально-экономической значимостью в условиях древнерусского общества, где перечисленные объекты представляли существенную материальную ценность.

Анализ субъектного состава имущественных преступлений по Русской Правде демонстрирует сословный характер древнерусского уголовного права. Субъектами ответственности выступали преимущественно свободные общинники (люди), при этом особый правовой статус имели смерды, чья ответственность за имущественные преступления реализовывалась через институт виры, выплачиваемой их господами. Женщины как субъекты преступлений против собственности подлежали юрисдикции церковного суда, что отражало формирующееся разграничение светской и церковной юрисдикции.

Значение Русской Правды для развития отечественного законодательства об ответственности за хищения заключается в том, что данный правовой памятник:

- впервые в истории русского права систематизировал нормы об охране собственности;
- установил принцип материального возмещения ущерба;
- заложил основы дифференциации ответственности в зависимости от объекта посягательства;
- отразил процесс взаимодействия обычного права и княжеского законодательства.

Таким образом, Русская Правда представляет собой важнейший этап в формировании системы правовой защиты собственности в России, многие принципы которой сохранили свою актуальность в последующие периоды развития отечественного законодательства.

Псковская Судная грамота, являющаяся выдающимся памятником права XIV-XV веков, представляет собой следующий важный этап эволюции правового регулирования ответственности за преступления против собственности после Русской Правды. Данный юридический документ отражает качественно новый уровень развития уголовно-правовой мысли в средневековой Руси, демонстрируя усложнение системы имущественных преступлений и ужесточение санкций за их совершение.

Особую научную значимость представляет статья 15 Псковской Судной грамоты, устанавливающая смертную казнь за хищение имущества, принадлежащего Кремлю (т.е. государственной казне). Эта норма свидетельствует о нескольких важных аспектах правового сознания эпохи: во-первых, о формировании концепции государственной собственности как объекта особой правовой защиты; во-вторых, о появлении дифференциации ответственности в зависимости от субъекта собственности (частное лицо или государство); в-третьих, о закреплении принципа несоразмерно строгой

ответственности за преступления против государственного имущества, что отражало усиление централизованной власти в данный исторический период.

Особого внимания заслуживает процессуальный аспект Псковской Судной грамоты, который предусматривал специальные процедуры расследования имущественных преступлений, включая обыски и «следствие» (ст. ст. 34, 57). Это указывает на развитие форм процессуального доказывания по делам о хищениях, что было значительным шагом вперед по сравнению с состязательным процессом Русской Правды.

Таким образом, Псковская Судная грамота, дополняя и развивая положения Русской Правды, представляет собой важный этап в формировании системы уголовно-правовой защиты собственности в русском средневековом праве. Ее значение заключается в том, что она:

- «ввела качественно новые виды наказаний за имущественные преступления;
- установила дифференцированную ответственность в зависимости от формы собственности;
- разработала более совершенные процессуальные механизмы расследования хищений;
- отразила эволюцию правовых представлений о ценности имущества и степени его защиты в условиях формирования централизованного государства» [14, с. 133].

Судебник 1497 года, будучи первым общерусским сводом законов единого централизованного государства, представляет собой значительный этап в развитии законодательства об ответственности за преступления против собственности. В данном правовом памятнике наблюдается принципиально новый подход к квалификации имущественных преступлений, выразившийся в парадоксальной, на первый взгляд, норме, устанавливающей более строгие санкции за тайное хищение (кражу), чем за открытое похищение имущества. Такой законодательный подход может быть объяснен несколькими факторами: во-первых, повышенной общественной опасностью кражи как

деяния, совершаемого скрытно и потому труднее предотвращаемого; во-вторых, стремлением законодателя защитить собственность в условиях формирования новых экономических отношений; в-третьих, влиянием византийских правовых традиций, где также прослеживалась аналогичная тенденция.

Судебник 1550 года, принятый в период правления Ивана IV, знаменует собой качественно новый этап в развитии уголовно-правовой доктрины в отношении имущественных преступлений. Наиболее существенным нововведением данного правового акта стало четкое терминологическое и содержательное разграничение форм хищения: грабежа (открытого похищения имущества без насилия или с насилием, не опасным для жизни) и разбоя (нападения с целью завладения имуществом, сопряженного с насилием, опасным для жизни и здоровья). Такая дифференциация свидетельствует о значительном прогрессе в развитии уголовно-правовой теории и практике.

Особого внимания заслуживает введение в Судебнике 1550 года нового состава преступления – «мошенничества», под которым понималось тайное хищение имущества непосредственно из кармана или одежды потерпевшего. Появление данной нормы отражает усложнение криминальной практики и необходимость ее адекватного правового регулирования. Законодательное закрепление мошенничества как особой формы хищения демонстрирует развитие юридической техники и способности законодателя учитывать специфические способы совершения имущественных преступлений.

Сравнительный анализ Судебников 1497 и 1550 годов позволяет выявить устойчивую тенденцию к усложнению системы имущественных преступлений, их более детальной классификации и дифференциации ответственности. Если Судебник 1497 года еще сохранял определенную архаичность в подходах к квалификации хищений, то Судебник 1550 года демонстрирует формирование более совершенной системы норм об ответственности за преступления против собственности, включающей:

- «четкое определение различных форм хищения;
- установление градации наказаний в зависимости от степени общественной опасности деяния;
- учет способа совершения преступления как квалифицирующего признака;
- введение новых составов, соответствующих реалиям времени» [6, с. 24].

Эволюция правового регулирования ответственности за имущественные преступления в рассматриваемый период отражает общий процесс становления российской государственности и развития правовой системы, где охрана собственности занимала одно из центральных мест. Судебники 1497 и 1550 годов заложили основы той системы защиты имущественных прав, которая в дальнейшем получила развитие в Соборном уложении 1649 года и последующих законодательных актах Российской империи.

Важным этапом в становлении законодательства об ответственности за хищения выступает принятие Соборного Уложения 1649 года. «В имущественных преступлениях Соборное Уложение 1649 года обращает особое внимание, на похищения разделяя их на разбой (совершаемый в виде промысла), татьбу (кражу) и мошенничество (хищение, связанное с обманом, но без насилия). Татьба была простая и квалифицированная (церковная, на службе, конокрадство, совершенная в государственном дворе, кража овощей из огорода и рыбы из садка). За первый разбой виновный лишался правого уха, сажался на три года в тюрьму и потом ссылался на Украину (гл. XXI. ст. 16. «... у таго разбойника за первой разбой после пытки отрезать правое ухо, а в тюрьме сидеть три годы, а животы его дати в выти исцом, а ис тюрьмы выимая его, посылати в кайдалах работати всякое изделие, где государь укажет. А как он в тюрьме три годы отсидит, послати в Украинные города»). За второй разбой он лишался жизни (гл. XXI ст. 17. «А будет разбойника поймают на разборе другие, и его потому же пытати в и(ы)ных разбоях. Да будет он повинится только в дву разбоях, а убийства хотя и не учинил, и его за другой

разбой казнити смертию, а животы его отдать в выть исцом»). За первую татьбу виновный подвергался наказанию кнутом и лишению левого уха, двухгодичной тюрьме и ссылке на Украину; во второй раз он наказывался кнутом, лишался правого уха, сажался в тюрьму на четыре года и потом ссылался на Украину; третья татьба всегда наказывалась смертью» [13]. Мошенничество считалось наравне с первой татьбой и также наказывалось: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу» [13].

Артикул Воинский 1715 года, разработанный в период масштабных государственных преобразований Петра I, представляет собой важнейший этап реформирования уголовного законодательства России в области ответственности за преступления против собственности. Данный нормативный акт, испытавший значительное влияние европейской (преимущественно германской и шведской) правовой традиции, ввел принципиально новые подходы к квалификации имущественных преступлений, что отражало как потребности развивающегося государства, так и процесс вестернизации российской правовой системы.

В контексте терминологических новаций особое значение имеет закрепление в Артикуле Воинском понятийного аппарата, включающего термины «вор» и «воровство», которые приобрели значение родовых понятий для обозначения субъекта и объекта имущественных преступлений соответственно. Введение этих терминологических единиц свидетельствует о стремлении законодателя к унификации правовых понятий и созданию более стройной системы квалификации преступных деяний.

Существенным достижением петровского законодательства стало расширение перечня составов имущественных преступлений за счет включения новых видов противоправных деяний, таких как поджог (арт. 178), который рассматривался как особо опасная форма посягательства на собственность в связи с его разрушительными последствиями и повышенной общественной опасностью. Примечательно, что поджог квалифицировался не

только как имущественное преступление, но и как деяние, посягающее на общественную безопасность, что демонстрирует комплексный подход законодателя к оценке характера преступления.

Особого внимания заслуживает заимствование из европейского права новых составов преступлений, в частности, присвоения вверенного имущества (арт. 194), что отражало развитие имущественного оборота и необходимость защиты отношений, основанных на доверии. Значительным шагом вперед стало также четкое разделение грабежа на две самостоятельные формы: «грабеж с насилием» (арт. 186) и «грабеж без насилия» (арт. 185), что позволяло более точно квалифицировать деяние в зависимости от степени его общественной опасности.

Влияние западноевропейского права проявилось и в системе наказаний за имущественные преступления, где наряду с традиционными денежными взысканиями и телесными наказаниями стали применяться новые виды санкций, такие как каторжные работы и конфискация имущества. При этом законодатель сохранил принцип пропорциональности наказания стоимости похищенного, что свидетельствует о стремлении к справедливому возмещению причиненного ущерба.

Таким образом, Артикул Воинский 1715 года, представляя собой синтез отечественных правовых традиций и европейского законодательного опыта, заложил основы современного понимания имущественных преступлений в российском праве. Его значение заключается не только во введении новых составов преступлений и уточнении существующих, но и в разработке более совершенной системы критериев оценки противоправности деяний, что стало важным этапом на пути формирования доктрины уголовного права в России.

В период правления Екатерины II произошла существенная трансформация правового регулирования ответственности за преступления против собственности, наиболее ярко проявившаяся в издании указа от 3 апреля 1781 года «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». Данный нормативный акт представляет

собой важный этап в развитии отечественного уголовного законодательства, отражающий как просветительские идеи эпохи, так и прагматичные потребности государственного управления.

Указ ознаменовал переход к более дифференцированной системе квалификации имущественных преступлений, введя четкое разделение форм «воровства» на три основных вида: «воровство-кражу», «воровство-мошенничество» и «воровство-грабеж». Такая классификация свидетельствует о значительном прогрессе юридической техники, позволяя более точно определять характер и степень общественной опасности конкретного деяния. Примечательно, что законодатель использовал родовое понятие «воровства» как общую категорию, объединяющую различные виды имущественных посягательств, что отражало системный подход к правовому регулированию.

Особую научную ценность представляет закрепление в указе понятия «воровство-мошенничество», которое впервые в российском законодательстве получило самостоятельное значение, отделившись от общего понятия кражи. Это нововведение отражало усложнение социально-экономических отношений и необходимость защиты имущественных прав от новых форм противоправных посягательств.

Наряду с совершенствованием классификации преступлений, указ Екатерины II ввел принципиально новые подходы к наказанию виновных, предусмотрев создание сети рабочих домов во всех губерниях. Данная мера, вдохновленная европейскими пенитенциарными практиками, демонстрировала гуманизацию карательной политики и стремление к исправлению преступников через принудительный труд, что соответствовало просветительским идеям эпохи.

Таким образом, «указ Екатерины II от 3 апреля 1781 года представляет собой важную веху в эволюции правового регулирования ответственности за преступления против собственности, сочетая в себе традиционные подходы к

охране имущественных прав с новыми, прогрессивными для своего времени идеями наказания и исправления преступников» [13].

В процессе систематизации российского законодательства в XIX веке особое значение приобрела регламентация ответственности за преступления против собственности, получившая последовательное развитие в трех ключевых законодательных актах эпохи. Свод законов Российской Империи 1832 года, представляя собой первую в истории России полную кодификацию действующего права, ввел принципиально новую систему классификации имущественных преступлений, основанную на строгой градации наказаний в зависимости от размера причиненного ущерба. Данный подход отражал формирование буржуазных отношений и потребность в более точной юридической оценке имущественных посягательств в условиях развивающихся товарно-денежных отношений.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года стало следующим этапом совершенствования законодательства, введя трехчленную классификацию составов преступлений против собственности на простые, привилегированные и квалифицированные. Эта система позволяла дифференцировать ответственность с учетом как объективных признаков деяния (способ совершения, размер ущерба), так и субъективных характеристик (личность преступника, наличие рецидива). Особое значение имело выделение квалифицированных составов, к которым относились, в частности, кражи, совершенные служащими, либо с проникновением в жилище, что свидетельствовало о повышенной защите государственной и частной собственности.

Уголовное уложение 1903 года, завершая эволюцию дореволюционного уголовного права, предприняло попытку концептуального переосмысления системы имущественных преступлений. В ходе разработки проекта рассматривалась возможность введения обобщающего термина «имущественные хищничества», который должен был объединить все формы противоправного завладения чужим имуществом. Однако в окончательной

редакции законодатель сохранил традиционное родовое понятие «похищение», дополнив его детализированной системой специальных составов. Это решение отражало противоречие между стремлением к унификации правовых понятий и необходимостью сохранения сложившейся системы квалификации преступлений.

Сравнительный анализ указанных законодательных актов позволяет выявить устойчивую тенденцию к усложнению системы имущественных преступлений, выразившуюся в:

- последовательной детализации составов преступлений;
- усилении дифференциации ответственности;
- совершенствовании критериев оценки тяжести деяний;
- попытках концептуального осмысления родовых понятий.

Особого внимания заслуживает эволюция наказаний за имущественные преступления: если Свод законов 1832 года сохранял архаичные элементы карательной системы (телесные наказания), то Уложение 1903 года полностью отказалось от них, перейдя к современным видам наказаний (лишение свободы, денежные взыскания). Этот процесс отражал общую гуманизацию уголовного права и влияние европейских правовых стандартов.

Таким образом, развитие законодательства об имущественных преступлениях в XIX - начале XX века демонстрирует сложный процесс адаптации правовых норм к изменяющимся социально-экономическим условиям, сочетающий сохранение традиционных подходов с заимствованием прогрессивных идей европейской юридической науки.

После Октябрьской революции 1917 года в Советской России произошла кардинальная реформа уголовного законодательства, направленная на защиту новой экономической системы и формирование социалистической правовой идеологии. В этом контексте особую значимость приобрел декрет СНК РСФСР от 1 июня 1921 года «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» [37], который ввел принципиально новые

подходы к квалификации имущественных преступлений. Данный нормативный акт впервые в советском праве дал легальное определение хищения, включив в него не только традиционные формы противоправного завладения имуществом, но и специфические составы, связанные с должностными злоупотреблениями. Особое внимание законодатель уделил растрате как особой форме хищения, характерной для государственных служащих, установив за ее совершение исключительно строгие меры ответственности - до 8 лет лишения свободы, а в случае рецидива - высшую меру наказания. Это свидетельствовало о приоритетной защите государственной собственности в условиях военного коммунизма и перехода к нэпу.

Первым кодифицированным актом советского уголовного права стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, который систематизировал нормы об ответственности за преступления против собственности, включив в их число не только традиционные хищения, но и нарушения прав интеллектуальной собственности. Кодекс выделял три основных вида имущественных преступлений: хищение государственного имущества (ст. 180), кражу казенных вещей (ст. 181) и присвоение чужого имущества (ст. 182). Примечательно, что законодатель установил дифференцированную ответственность в зависимости от формы собственности - хищения социалистической собственности карались значительно строже, чем посягательства на личное имущество граждан, что отражало классовую природу советского права.

Дальнейшее развитие законодательства об имущественных преступлениях получило в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, который существенно расширил перечень составов хищений, включив в него мошенничество (ст. 169) и подлог (ст. 170). Кодекс ввел квалифицирующие признаки, такие как совершение преступления группой лиц или повторно, а также предусмотрел особый режим ответственности за хищения в военное время, что свидетельствовало о формировании мобилизационной правовой

модели. Важной новацией стало закрепление принципа аналогии (ст. 16), позволявшего привлекать к ответственности за деяния, прямо не предусмотренные кодексом, но схожие по характеру с описанными в законе преступлениями.

Эволюция правового регулирования хищений в ранний советский период демонстрирует сложный процесс становления новой системы уголовно-правовой охраны собственности, сочетавший революционную риторику с прагматичными потребностями государственного управления. Законодательные акты 1920-х годов заложили основы той системы защиты имущественных отношений, которая в дальнейшем получила развитие в последующих кодификациях советского уголовного права.

И.А. Упоров отмечает, что «после установления советской власти на концептуальное развитие уголовного права решающее влияние оказали советская доктрина нового государства и политическая ситуация. Уголовно-правовые нормы принимались бессистемно, отзываясь преимущественно на текущие задачи, в частности, одной из таких задач было подавление эксплуататорского класса, соответственно издавались нормы, предусматривающие жесткие меры принуждения к представителям этого класса. Основной формой собственности провозглашалась общенародная государственная собственность, посягательство на которую расценивалось как посягательство на государственные интересы» [38, с. 551].

Послевоенное советское уголовное законодательство претерпело существенные изменения в регулировании ответственности за хищения, наиболее ярко проявившиеся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Данный нормативный акт, принятый в условиях восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны, установил беспрецедентно строгие санкции за посягательства на социалистическую собственность, вплоть до 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Указ 1947 года

сыграл концептуальную роль в формировании доктрины хищения в советском праве, закрепив его определение как «противоправного безвозмездного изъятия государственного или общественного имущества с целью обращения его в личную собственность или иное пользование».

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года ознаменовало новый этап в развитии законодательства о хищениях, отражавший политику «хрущевской оттепели». Кодекс впервые провел формальное разграничение между преступлениями против социалистической собственности (глава вторая) и против личной собственности граждан (глава пятая), что свидетельствовало о частичном смягчении классового подхода к охране имущественных отношений. Однако, несмотря на значительные изменения в системе наказаний (отмена смертной казни за хищения, снижение сроков лишения свободы), законодатель не сформулировал единого понятия хищения, ограничившись описанием отдельных его форм (кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение и растрата).

Дальнейшее ужесточение уголовной политики в отношении имущественных преступлений произошло после смещения Н.С. Хрущева, что нашло отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1965 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовные кодексы союзных республик». Данный нормативный акт существенно расширил судебное усмотрение при назначении наказаний за хищения, ввел специальные правила квалификации повторных преступлений (рассмотрение дел в общем порядке независимо от размера похищенного) и ужесточил ответственность за мелкие хищения, совершенные повторно.

«Важным этапом в развитии понятия хищения стало принятие Закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 1 июля 1994 года. В этом законе было введено примечание к статье 144, которое впервые юридически определило понятие хищения, которое с незначительными изменениями

впоследствии было включено в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года» [37].

Проведенный историко-правовой анализ позволяет констатировать, что эволюция законодательства об ответственности за хищения в российской правовой системе представляет собой сложный, многогранный процесс, отражающий диалектическое взаимодействие правовых традиций и социально-экономических преобразований. Развитие соответствующих уголовно-правовых норм демонстрирует устойчивую преемственность правовых конструкций, начиная с древнейших памятников права (договоры Руси с Византией, Русская Правда) через законодательство Московского государства (Судебники 1497 и 1550 годов, Соборное уложение 1649 года) к систематизированным актам Российской империи (Артикул Воинский 1715 года, Уложение 1845 года) и советского периода, завершаясь современным Уголовным кодексом Российской Федерации.

Данный процесс характеризуется следующими системообразующими тенденциями:

- постепенной дифференциацией составов имущественных преступлений от первоначально синкретичного понятия «татьба» к современной сложной системе форм хищения;
- усилением защиты государственной (казенной) собственности как константы российской правовой традиции;
- усложнением системы квалифицирующих признаков, отражающих степень общественной опасности деяния;
- эволюцией мер ответственности от принципа талиона к современной системе наказаний;
- формированием теоретической доктрины хищения в уголовно-правовой науке.

Особое значение имеет выявленная закономерность усиления охраны собственности в периоды социально-экономических трансформаций (Судебник 1550 года, Указ 1781 года, законодательство 1920-х и 1940-х

годов), что свидетельствует о тесной взаимосвязи между развитием экономических отношений и уголовно-правовым регулированием. При этом современное законодательство, сохраняя преемственность с историческими правовыми традициями, демонстрирует тенденцию к гуманизации наказаний и совершенствованию системы квалификации преступлений против собственности.

1.2 Хищение в правовых системах зарубежных стран

Проведя комплексный историко-правовой анализ развития уголовной ответственности за хищения в отечественном законодательстве, представляется методологически обоснованным обратиться к сравнительному исследованию соответствующих норм в зарубежных правовых системах. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить как универсальные, так и специфические подходы к криминализации имущественных посягательств в различных национальных законодательствах.

Современные правовые системы демонстрируют существенную дифференциацию в регламентации составов хищения, что обусловлено целым комплексом факторов:

- принадлежностью к различным правовым семьям;
- особенностями исторического развития уголовного права;
- спецификой социально-экономического устройства;
- традициями юридической техники.

В доктрине сравнительного правоведения традиционно выделяются следующие основные правовые семьи, имеющие принципиальное значение для анализа норм об ответственности за хищения:

Континентальная (романо-германская) правовая семья, к которой относятся правовые системы большинства европейских государств (Германия, Франция, Италия и др.), характеризуется:

- детальной кодификацией уголовного законодательства;

- четким определением понятия хищения;
- системным подходом к классификации имущественных преступлений.

Англо-американская правовая семья (Великобритания, США, Канада и др.) отличается:

- прецедентным характером правового регулирования;
- отсутствием единого законодательного определения хищения;
- фрагментарностью правовых норм об имущественных преступлениях.

Латиноамериканская правовая семья (Бразилия, Аргентина, Мексика и др.) сочетает:

- элементы континентальной традиции;
- местные правовые обычаи;
- особый акцент на защите экономических прав граждан.

Дальневосточная правовая семья (Китай, Япония, Южная Корея) характеризуется:

- синтезом современных правовых конструкций;
- традиционными конфуцианскими представлениями о собственности;
- особым вниманием к корпоративной собственности.

Каждая из указанных правовых семей представляет собой «уникальный комплекс особенностей и методов реагирования на преступления, включая хищения. То есть в каждой правовой системе существуют уголовно-правовые инструменты, направленные на борьбу с преступностью, включая ответственность за различные проявления хищения» [46].

Рассмотрим для примера, как регламентируется в законодательстве Белоруссии ответственность за хищения, в чем отличие законодательных норм Белоруссии от российских законодательных норм. «В Уголовном кодексе Республики Беларусь преступления против собственности описаны в разделе VIII, главе 24, где определены понятие хищения и его разновидности.

По сравнению с УК РФ, в белорусском законодательстве считается излишним воспроизведение формы вины, так как неосторожное хищение не допускается. В белорусском законодательстве используется унифицированное понятие «завладеть», что более точно характеризует содеянное, то есть законодательно определено, что ответственность возникает с момента завладения имуществом, в то время как в РФ используются термины «изъятие» и «обращение», что не полностью отражает структуру хищения. Белорусский законодатель также включает в понятие хищения составы, такие как вымогательство, злоупотребление служебными полномочиями и использование компьютерной техники» [46].

Анализ уголовного законодательства Республики Беларусь в сравнении с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации выявляет существенные различия в правовой регламентации составов хищения, имеющие как технико-юридический, так и концептуальный характер. В белорусском уголовном праве отсутствует выделение насильственного грабежа в качестве самостоятельного состава преступления - вместо этого статья 206 УК Республики Беларусь предусматривает квалифицированный состав грабежа, совершенного «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия». Данная конструкция отличается от российской модели, где насильственный грабеж выделен в отдельный квалифицированный состав (ч. 2 ст. 161 УК РФ), что свидетельствует о различных подходах законодателей к систематизации форм хищения.

Значительные расхождения наблюдаются в регламентации мошенничества: если в российском законодательстве (ст. 159 УК РФ) мошенничество определяется как самостоятельная форма хищения с детализацией способов его совершения, то белорусский законодатель (ст. 209 УК Республики Беларусь) рассматривает мошенничество исключительно как способ хищения, не раскрывая в тексте закона его содержательных характеристик. Такой подход оставляет более широкие пределы для судебного

толкования, но одновременно создает определенные сложности в правоприменительной практике.

Выявленные различия в правовой регламентации хищений между двумя государствами - членами Союзного государства - обусловлены как особенностями юридической техники, так и спецификой развития национальных уголовно-правовых доктрин. При этом отдельные элементы белорусского законодательства могут представлять научный и практический интерес для возможного совершенствования российского уголовного законодательства в части регламентации имущественных преступлений.

Перспективным направлением правового развития видится гармонизация норм об ответственности за хищения в рамках углубления интеграционных процессов между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, что позволит создать единое правовое пространство в сфере борьбы с преступлениями против собственности, сохраняя при этом национальные особенности правовых систем.

Следующая страна – Казахстан. Согласно статье 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК), хищение определяется как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [36].

В.П. Щербаков отмечает, что «в положениях УК РК родовое понятие «Хищение» формулируется казахским законодателем несколько содержательнее, чем в российском уголовном законе» [46]. Также исследователь замечает, что «правоохранительные органы в Казахстане часто не квалифицируют посягательства как мошенничество при обращении имущества, если оно было частично возвращено, что противоречит закону. Перечень деяний, входящих в круг хищений, в УК РК расширен и включает дополнительно посягательства с материальными и формальными составами преступлений, включая вымогательство» [46].

Рассмотрим хищение в законодательстве Азербайджана. «В контексте структурного раздела IX Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [35], содержащего главу 23, посвященную преступлениям против собственности, не приводится четкого определения понятия хищение. Однако в законодательстве указываются понятия и характеристики преступлений, таких как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, хищение предметов особой ценности, которые в основном соответствуют аналогичным терминам в Уголовном кодексе Российской Федерации. Дополнительные пояснения о содержании оценочных понятий, таких как «значительный» или «крупный ущерб», «неоднократность», «совершение содеянного лицом, ранее судимым за хищение или вымогательство», содержатся в трех примечаниях к статье 177 УК АР. Кроме того, в УК АР присутствуют отдельные составы преступлений против собственности, такие как незаконное использование телефонной линии через осуществление телефонных переговоров и нарушение права собственности на землю» [46]. Эти элементы дополняют структуру уголовного законодательства и оказывают влияние на процесс его применения и толкования в практике судебных органов.

Уголовный кодекс Франции («Code pénal») 1992 года представляет собой систематизированный нормативный акт, детально регулирующий вопросы ответственности за преступления против собственности, демонстрируя при этом оригинальный подход к конструированию соответствующих составов. В отличие от российской правовой традиции, французский законодатель использует более узкое определение имущественных преступлений, акцентируя внимание на таком ключевом элементе, как «обманное изъятие» («soustraction frauduleuse»).

Статья 311-1 «Code pénal» Франции определяет кражу («vol») как «обманное изъятие вещи, принадлежащей другому лицу», что подчеркивает значение *fraudulent* характера деяния как обязательного признака состава преступления. Данная дефиниция отличается от традиционного российского

понимания хищения, поскольку не включает в явном виде такие элементы, как безвозмездность и корыстная цель, которые подразумеваются в самой конструкции «обманного изъятия».

Особый научный интерес представляет статья 311-2 французского кодекса, которая распространяет понятие кражи на случаи незаконного использования энергии («l'usage frauduleux de l'énergie»). Эта норма демонстрирует прогрессивный подход французского законодателя к защите новых форм собственности, предвосхитив аналогичные положения в законодательстве других стран. Примечательно, что французская доктрина рассматривает электроэнергию как особый объект имущественных преступлений, требующий специальной правовой защиты.

Данные особенности французского уголовного законодательства представляют значительный интерес для развития российской правовой системы, особенно в части защиты новых форм собственности и совершенствования юридической техники при конструировании составов имущественных преступлений. В.П. Щербаков замечает, что «французский законодатель фактически имеет лишь обманное изъятие чужого имущества, включая в само понятие обмана значительно больше, в сравнении с российскими коллегами. В соответствии с французским законодательством всякое имущество, даже если его собственник близкий нижестоящий или восходящий не признается в качестве чужого для них вообще» [46]. Н.Е. Крылова отмечает, что «на основании положений книги III, входящей в раздел I главой III «О мошенничестве и примыкающих к нему деяниях»: мошенничество — это обман физического или юридического лица, который совершен при использовании ложного имени, должности или положения. Кроме общего состава французский законодатель воспроизводит в тексте УК также специальные составы преступлений, однако, имеющие некоторые особенности. Так, французский законодатель выделяет в статье 314-1 состав «Злоупотребление доверием», который представляет хищение денежных

средств, материальных ценностей или иного вверенного имущества потерпевшего» [18, с. 106].

В Германии ответственность за хищение регулируется Уголовным кодексом Германии (Strafgesetzbuch – StGB). «В Уголовном кодексе ФРГ понятие хищения вообще отсутствует, близким к нему является в § 242 определение кражи. Под ней имеется в виду содеянное в виде завладения чужой движимой вещью с намерением незаконного присвоения или обращения в пользу третьего лица» [46]. В.П. Щербаков отмечает, что «фактическое неиспользование непосредственно легального толкования понятий, реально воспроизводимых немецким законодателем при определении «мошенничества», «обмана», «злоупотребления доверием», «причинения имущественного ущерба», вызывает значительные трудности при квалификации схожих деяний. Например, в положениях § 263 и § 265 «а» УК ФРГ» [46]. М.Ю. Дворецкий отмечает, что «вследствие того, что фактически в этом случае немецкий уголовный закон явно двусмысленно непосредственно оценивает момент окончания мошенничества и его разновидностей, то именно принципиально значимо для правильной квалификации материальных (например, § 263) и формальных (например, § 264) составов хищения чужого имущества» [10].

«В Уголовном кодексе Швейцарии, принятом 21 декабря 1937 года, в разделе II Особенной части, который посвящен преступлениям против имущества, термин «хищение» не уточняется. Вместо этого, статья 137 определяет понятие «Незаконное завладение», которое фактически близко по смыслу к хищению. Однако, швейцарский законодатель расширяет сферу действия термина «присвоение» по сравнению с российским законодательством, придавая ему более широкий смысл» [46].

Государства, принадлежащие к англосаксонской правовой семье, демонстрируют уникальную систему регламентации уголовной ответственности за имущественные преступления, основанную на принципиально иных методологических подходах по сравнению с

континентальным правом. В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, являющемся классическим представителем «common law» системы, уголовно-правовое регулирование хищений характеризуется значительной правовой полифонией, обусловленной историческими особенностями развития национальных юрисдикций.

В английском праве основу регулирования составляют как статутные нормы (прежде всего «Закон о краже» 1968 года - «Theft Act 1968»), так и прецедентное право, формируемое решениями высших судебных инстанций. Шотландская правовая система, сохраняя свою автономию, опирается на «Закон о преступлениях против собственности» 2009 года («Crimes (Property) Act 2009»), дополненный богатой судебной практикой. Северная Ирландия, в свою очередь, применяет модифицированную версию английского законодательства с учетом местной правовой специфики.

Ключевой особенностью британского подхода к квалификации имущественных преступлений является отсутствие единого родового понятия хищения - вместо этого законодатель и судебная практика оперируют системой отдельных составов, включающих:

- кражу («theft») как «бесчестное присвоение чужого имущества с намерением навсегда лишить его собственника» (ст. 1 «Theft Act 1968»);
- грабеж («robbery») как кражу, совершенную с применением насилия или угрозы его применения (ст. 8);
- мошенничество («fraud») как умышленное введение в заблуждение с целью получения материальной выгоды («Fraud Act 2006»).

Изучение опыта англосаксонской правовой семьи позволяет выявить альтернативные подходы к конструированию составов имущественных преступлений, что может быть учтено в процессе совершенствования российского уголовного законодательства.

«В Великобритании наказания за хищение могут варьироваться от штрафов и общественных работ до длительного лишения свободы, особенно

для серьезных преступлений. Британское законодательство отличается отсутствием кодифицированного акта. Вместо этого, законодательство не предусматривает уголовную ответственность за мошенничество как таковое, но различные формы этого преступления фактически представлены в виде обманных имущественных действий» [46].

«В США существует широкий спектр уголовных норм, касающихся хищения, включая кражи, грабежи, мошенничество и другие формы преступлений. При этом в законодательстве США также отсутствует единая уголовно-правовая система из-за федеральной специфики. Так, в пределах страны действует модельный закон, используемый для унификации законодательства в различных штатах. Многие нормы этого кодекса нашли отражение в уголовных кодексах отдельных штатов» [46].

В Соединенных Штатах Америки система уголовно-правового регулирования ответственности за хищения характеризуется выраженным правовым плюрализмом, обусловленным федеративным устройством государства и принципом «dual sovereignty». Данная система представляет собой сложный механизм взаимодействия 51 самостоятельной уголовно-правовой системы (50 штатов и федерального округа Колумбия) с параллельно существующим федеральным уголовным законодательством. Каждый штат обладает собственной законодательной компетенцией в сфере криминализации имущественных посягательств, что приводит к существенной дифференциации как в определении составов хищений, так и в установлении санкций за их совершение.

Модельный Уголовный кодекс США («Model Penal Code»), разработанный Американским институтом права в 1962 году, служит ориентиром для законодателей штатов, однако не имеет обязательной юридической силы. Вследствие этого в различных юрисдикциях наблюдаются значительные расхождения в терминологии (например, «larceny», «theft», «robbery», «burglary»), элементах составов преступлений и системе наказаний.

Так, в штате Калифорния понятие «grand theft» (квалифицированная кража) формализовано в § 487 Уголовного кодекса, тогда как в Техасе аналогичные

Данная правовая модель, сочетающая унификационные тенденции (через влияние «Model Penal Code») и правовой партикуляризм, представляет значительный научный интерес для сравнительно-правовых исследований, демонстрируя альтернативные подходы к защите собственности в условиях сложноорганизованной правовой системы.

В латиноамериканской правовой традиции, в частности в рамках уголовного законодательства Чили, подход к определению хищения отличается отсутствием жесткой формализации конкретных способов совершения данного преступления. В отличие от правовых систем, где законодатель стремится к детальному перечислению всех возможных форм хищения, Уголовный Кодекс Чили акцентирует внимание на установлении квалифицирующих признаков и особых обстоятельств, которые могут сопровождать противоправное изъятие чужого имущества.

Такой подход обеспечивает значительную гибкость правового регулирования, позволяя судебным органам адаптировать нормы закона к многообразию реальных ситуаций. В частности, учитываются такие факторы, как способ совершения преступления, размер причиненного ущерба, наличие отягчающих или смягчающих обстоятельств, а также социально-экономический контекст деяния. Подобная методология способствует более точной квалификации преступных действий и обеспечивает баланс между универсальностью правовых норм и необходимостью индивидуального подхода к каждому конкретному случаю.

Кроме того, данный правовой механизм позволяет эффективно реагировать на новые формы хищения, возникающие в условиях динамично развивающихся общественных отношений, без необходимости постоянного внесения изменений в уголовное законодательство. Таким образом, чилийская модель демонстрирует пример гармоничного сочетания принципов

определенности права и судебного усмотрения, что способствует повышению эффективности борьбы с имущественными преступлениями.

И, наконец, рассмотрим представителей дальневосточной правовой семьи, включающей Китай, Японию, Гонконг, Индонезию, Корею.

«В структуре главы 5 Особенной части УК Китайской народной республики 14 составов (ст. 263-276). Кроме кражи, в ст. 264 выделяется также и три вида грабежа. Наряду с «открытым хищением», с восемью квалифицирующими признаками в ст. 263, 267, в ст. 268 УК КНР предусматривается ответственность за грабеж, совершенный группой» [46].

В японской правовой системе уголовная ответственность за хищение регламентируется положениями Уголовного кодекса Японии («Penal Code of Japan»), который детально классифицирует данное преступление в зависимости от способа его совершения, объекта посягательства и степени общественной опасности. Законодатель дифференцирует различные формы хищения, такие как кража (статья 235), грабеж (статья 236), мошенничество (статья 246) и присвоение вверенного имущества (статья 252), предусматривая для каждой из них специфические санкции.

Применяемые меры наказания варьируются от денежных штрафов до лишения свободы с принудительными работами, причем их строгость зависит от тяжести деяния, размера ущерба, наличия рецидива и других квалифицирующих признаков. В случае особо опасных или неоднократно совершаемых преступлений суды склонны назначать максимально суровые санкции, что отражает карательную направленность уголовной политики в отношении имущественных преступлений. Вместе с тем японское правосудие допускает смягчение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, таких как добровольное возмещение ущерба, активное сотрудничество с органами следствия или явка с повинной, что свидетельствует о гибкости подхода к индивидуализации ответственности.

Таким образом, уголовное законодательство Японии сочетает жесткие санкции за тяжкие формы хищения с возможностью их корректировки с

учетом конкретных обстоятельств дела, что способствует достижению баланса между задачами общего предупреждения преступлений и принципами справедливости.

«Согласно положениям УК КНДР, фактически разграничиваются непосредственно преступления против социалистической собственности реально от деяний, посягающих на имущество граждан социалистического государства.

Поскольку социалистическая собственность - это государственная и кооперативная виды собственности, то всякое посягательство против них влекут ответственность по ст. 56-65 гл. 4 «Преступления в сфере социалистической экономики» соответственно. В свою очередь ст. 155-161 главы 8 раздела 2 посвящены преступлениям, посягающим на личное имущество граждан» [46].

«В свою очередь, на основании положений УК Республики Корея законодатель аналогичные составы располагает в главах, входящих в Особенную часть, первоначально главы 38 и окончательно главы 42 соответственно.

Южнокорейский законодатель в главу о краже и грабеже поместил ст. 340 «Пиратство», квалифицируя как содеянное в виде захвата чужого судна в море с использованием угрозы применения коллективной силы и ст. 336 в виде хищения людей с целью получения выкупа. Распространенность компьютерной информации потребовало от корейского законодателя формулирования ст. 347-2 дополнительного состава – Мошенничество с использованием компьютеров» [46].

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие существенных различий в уголовно-правовом регулировании хищения в рамках четырех основных правовых семей современности: англо-американской, латиноамериканской, дальневосточной и континентальной (романо-германской). Указанные различия проявляются на трех уровнях:

дефинитивном (определение преступления), квалификационном (выделение составов) и санкционном (система наказаний).

В англо-американской правовой системе, представленной правовыми порядками Великобритании и США, отсутствует единое кодифицированное понятие хищения. Вместо этого применяется совокупность отдельных составов («theft», «robbery», «fraud» и др.), отличающихся высокой степенью казуистичности. Такой подход обеспечивает детализированное регулирование, но создает сложности в системном восприятии института хищения. Санкционная политика характеризуется широким диапазоном - от имущественных взысканий до длительных сроков лишения свободы, причем конкретная мера наказания определяется с учетом прецедентной практики.

Латиноамериканская правовая модель (на примере Чили) демонстрирует принципиально иную методологию. Вместо жесткой регламентации отдельных форм хищения, уголовное законодательство акцентирует внимание на квалифицирующих признаках, предоставляя правоприменителю значительную свободу усмотрения. Подобная гибкость способствует индивидуализации наказания, но одновременно создает риски недостаточной определенности правовых норм.

Дальневосточная правовая традиция (Китай, Япония, Южная Корея) сочетает кодифицированный подход с глубокой дифференциацией составов. Особенностью данной модели является бинарная система санкций: жесткие меры ответственности за квалифицированные виды хищения соседствуют с широкими возможностями смягчения наказания при наличии исключительных обстоятельств. Такой баланс отражает синтез карательной и воспитательной функций уголовного права.

Континентальная (романо-германская) правовая семья, к которой принадлежит российская правовая система, характеризуется системным подходом к определению хищения. Однако, как показывает анализ, даже столь детализированная регламентация не исключает проблем квалификации,

особенно в части деяний, связанных с обманом или злоупотреблением доверием.

Эволюция российского законодательства о хищении демонстрирует преемственность правовых традиций - от древнерусских договоров с Византией до современного УК РФ. Современная система составов хищения в российском уголовном праве отличается строгой дифференциацией по объективным и субъективным признакам, что соответствует общемировой тенденции специализации норм об имущественных преступлениях.

Таким образом, компаративистский анализ позволяет сделать вывод о принципиальном значении национально-правовых традиций в регулировании хищения. Каждая из рассмотренных правовых семей выработала уникальную методологию определения, квалификации и наказания данного преступления, что требует учета правового контекста при проведении сравнительно-правовых исследований. Универсальность хищения как правового феномена сочетается со значительным разнообразием его юридических конструкций в различных правовых системах.

Глава 2 Общетеоретические подходы к понятию хищения

2.1 Сущность хищения, его признаки

Современное легальное определение хищения, сформировавшееся в результате длительного исторического развития и последовательной трансформации уголовно-правовых норм, впервые получило законодательное закрепление в 1994 году в рамках обновленной редакции Уголовного кодекса РСФСР. Последующая кодификация уголовного законодательства Российской Федерации привела к его инкорпорации в примечание к статье 158 Уголовного кодекса РФ 1996 года, где оно приобрело свою окончательную нормативную формулировку. Данный процесс отражает эволюционный характер развития правовых конструкций, связанных с защитой собственности, демонстрируя преемственность между советской и современной российской правовыми системами в вопросах квалификации имущественных преступлений.

«Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [22, с. 16].

Формирование современного нормативного определения хищения в российском уголовном законодательстве прошло два ключевых этапа: первоначальное закрепление в 1994 году и последующую детализацию в 1996 году. В своем окончательном виде, зафиксированном в примечании к статье 158 УК РФ, данное понятие приобрело четкую юридическую конструкцию, характеризующуюся совокупностью обязательных признаков: противоправностью, корыстной направленностью, изъятием или обращением чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц, а также причинением имущественного ущерба законному собственнику или владельцу.

Такая законодательная регламентация обеспечивает унифицированный подход к квалификации имущественных преступлений, позволяя правоприменительным органам точно дифференцировать хищение от смежных составов преступлений. Четкость юридической дефиниции способствует единообразию судебной практики, обеспечивая адекватную уголовно-правовую оценку противоправных деяний и назначение соразмерного наказания с учетом степени общественной опасности конкретного преступления. Более того, разработанная законодателем конструкция состава хищения обладает достаточной гибкостью, позволяющей охватывать различные формы противоправного завладения имуществом при сохранении системного характера уголовно-правового регулирования.

«В законодательстве прежних исторических периодов в УК РФ наряду с термином «хищение» использует и термин «похищение» (в ст. 126 говорится о похищении человека; в ст. 325 о похищении документов, штампов, и т.п., в статье содержится полный перечень предметов похищения) [24, с. 229].

Хищение может совершаться как с применением насильственных методов (в квалифицированных составах), так и без такового (в простых составах), что определяет степень его общественной опасности и соответствующую дифференциацию уголовной ответственности.

Преступления против собственности, к числу которых относится хищение, оказывают деструктивное воздействие на общественные отношения и экономическую стабильность. Их негативные последствия проявляются не только в прямом материальном ущербе, выражающемся в утрате конкретного имущества, но и в причинении существенного морального вреда потерпевшим, а также в подрыве доверия к институтам собственности и правопорядка в целом.

Эффективное противодействие хищениям требует комплексного подхода, включающего совершенствование правоприменительной практики посредством выработки единообразных критериев квалификации, оптимизацию деятельности правоохранительных органов и обеспечение их

необходимыми материально-техническими, кадровыми и информационными ресурсами. Особое значение приобретает развитие современных методик расследования имущественных преступлений, внедрение криминалистических инноваций и укрепление межведомственного взаимодействия, что в совокупности способствует повышению эффективности борьбы с данным видом преступности.

«Хищение – это обобщенное понятие для группы административных правонарушений и преступлений. Понятие хищения дается в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Это определение распространяется также на статьи КоАП РФ» [21, с. 211].

Вместе с тем, юридическая дефиниция хищения не лишена определенных дискуссионных аспектов, что может приводить к неоднозначным толкованиям в правоприменительной практике. Объективная сторона данного преступления характеризуется совокупностью двух взаимосвязанных действий: изъятием чужого имущества и последующим его обращением в пользу виновного либо третьих лиц, что представляет собой прямое нарушение установленных гражданским законодательством правомерных способов приобретения имущественных прав.

Дифференциация уголовной ответственности за хищение осуществляется на основании объективных (способ совершения, размер ущерба, предмет посягательства) и субъективных (наличие корыстного мотива, умышленная форма вины) признаков, что позволяет выделять три категории составов: простые, квалифицированные и особо квалифицированные. Точное установление данных признаков приобретает принципиальное значение для правильной квалификации деяния и соблюдения принципа индивидуализации наказания.

Закрепленное в примечании к статье 158 УК РФ общее понятие хищения выполняет важную системообразующую функцию, обеспечивая четкое отграничение данного преступления от смежных составов правонарушений. Указанная дефиниция акцентирует внимание на ключевых признаках

хищения, подчеркивая его особую социальную опасность как деяния, посягающего на фундаментальное право собственности, что имеет существенное значение для обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты имущественных интересов субъектов права.

«Состав преступления, именуемого хищением, т.е. так называемая «юридическая модель», дает возможность выявить в совершенном деянии все необходимые объективные и субъективные признаки состава хищения и решить вопрос о наличии либо отсутствии основания уголовной ответственности, а затем дифференцировать ответственность в законодательно определенных рамках и индивидуализировать наказание. Это необходимо и для выделения в последующем квалифицированных видов хищений, не увлекаясь множеством признаков, а, выделяя лишь значимые, влияющие на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания» [42, с. 425].

Квалифицирующим признаком хищения, имеющим принципиальное значение для правовой оценки деяния, выступает субъективная сторона преступления, предполагающая наличие вины в форме прямого умысла. Виновное лицо должно осознавать противоправный характер своих действий, предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба и желать их наступления. Отсутствие вины, как обязательного элемента субъективной стороны состава преступления, исключает возможность квалификации деяния как хищения, что соответствует основополагающему принципу уголовного права - *nullum crimen sine culpa* (нет преступления без вины).

Важнейшим объективным критерием хищения выступает причинение материального ущерба потерпевшему, выражающегося в реальном уменьшении его имущественной массы либо лишении возможности распоряжаться принадлежащими ему материальными ценностями. При этом размер причиненного ущерба имеет значение не только для квалификации преступления, но и для определения меры уголовной ответственности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать систему обязательных признаков, необходимых для правомерной квалификации деяния как хищения. К ним относятся: 1) противоправность изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного либо третьих лиц; 2) наличие прямого умысла и корыстной цели у субъекта преступления; 3) причинение реального материального ущерба собственнику или законному владельцу имущества. Установление данной совокупности элементов образует необходимую и достаточную основу для правильного применения уголовно-правовых норм о хищении.

Момент окончания хищения определяется как достижение виновным состояния, при котором он приобретает реальную возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению. Особый случай представляет разбой (ст. 162 УК РФ), который признается оконченным с момента совершения нападения, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [37]. Данная конструкция отражает повышенную общественную опасность этого вида хищения.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ (п. 7 Постановления № 29), обязательным элементом субъективной стороны хищения является прямой умысел, который должен сформироваться у лица до начала противоправных действий. Отсутствие корыстной цели, выражающееся в намерении временно использовать имущество с последующим возвратом, исключает состав хищения и может квалифицироваться как самоуправство [27].

Важно подчеркнуть двуединую природу хищения, включающую как изъятие имущества из чужого владения, так и его обращение в пользу виновного или третьих лиц. Эти действия могут осуществляться как синхронно, так и последовательно. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «хищение не прекращает законное право собственности на имущество. Хотя виновный может владеть и распоряжаться

имуществом, он не становится его законным собственником, также как и лицо, в интересах которого совершается хищение. Гражданское право не признает право собственности, возникшее противоправным или преступным путем» [8, с. 35]. Данное положение имеет принципиальное значение для разграничения уголовно-правовых и гражданско-правовых последствий хищения.

Т.О. Вилитенко считает: «хищение отнюдь не обязательно предполагает извлечение пользы именно самим виновным; при наличии всех других признаков хищения, оно и есть тогда, когда совершается в пользу других лиц. Перечень последних законодатель не ограничивает, указанные лица могут находиться в разных отношениях с похитителем имущества. Главное, чтобы виновный преследовал при хищении корыстную цель» [8, с. 35].

«Законодатель различает убийство из корыстных побуждений и убийство по найму. Возникает вопрос, а может ли хищение быть совершено по найму и какова будет его квалификация. Пример с кражей картин из музея по заказу показывает ситуацию, где преступник присваивает ценные вещи, но передает краденую картину заказчику за вознаграждение» [8, с. 35]. Это сочетание хищения по найму и из корыстных побуждений. Законодательство может иметь пробел в таких ситуациях, так как корыстная цель для каждого хищения неоднозначна. Судебная практика, как правило, требует наличия корыстной цели для квалификации хищения.

«Действия при хищении должны характеризоваться противоправностью и безвозмездностью. Противоправность означает отсутствие у виновного юридических и предполагаемых прав на изымаемое имущество. Но, как правильно указывают многие специалисты, этот признак гораздо шире по своему содержанию и означает, что такое деяние запрещено законом, изъятие имущества проходит помимо или вопреки воле законного собственника или владельца. Если у лица имеются определенные права на имущество, в том числе и предполагаемые, то хищение отсутствует» [22, с. 17].

Рассмотрим пример. «Тихоокеанский флотский военный суд прекратил дела за отсутствием состава преступления в отношении С., который, подделав диплом о среднем специальном образовании, был назначен на офицерскую должность, но службу исполнял исключительно добросовестно и именно за выполняемый труд получал вознаграждение. Был сделан правильный вывод о том, что не является хищением получение денежного довольствия незаконно назначенным на должность военнослужащим, который добросовестно исполнял свои должностные обязанности» [7, с. 43-45].

«Безвозмездность в хищении отражает его экономическую сторону. Виновный, изъявляя чужое имущество, не компенсирует его стоимость и даже не планирует это делать. Специалисты имеют разные мнения на этот счет» [2, с. 181].

Так, Л.Д. Гаухман полагает, что «если виновный передает эквивалент изъятого имущества и он отвечает потребительским качествам изъятой вещи, то хищение отсутствует» [9, с. 143].

По мнению Г.А. Есакова, «деньги, и имущество, и стоимость работы или услуги должны быть именно эквивалентом стоимости изъятого имущества, т.е. их стоимость должна приблизительно равняться стоимости последнего. Если имеет место расхождение в стоимости оставленного эквивалента и изъятого имущества, размер хищения определяется разницей в их стоимости» [12, с. 48-49].

«Временное «позаимствование» не имеет признака безвозмездности, но может быть квалифицировано как служебное злоупотребление. Безвозмездное завладение имуществом и причиняемый ущерб собственнику не исключают возможность возмездного приобретения имущества по договору, например, дарения. Способ приобретения имущества не имеет значения для характеристики хищения. Хищение может быть допущено даже у лица, получившего имущество неправомерно. Временное возвращение эквивалента похищенного имущества после хищения не свидетельствует о возмездности, но может смягчать ответственность.

Одним из ключевых признаков хищения является предмет хищения, который должен быть чужим имуществом. Термин «чужое» означает, что у лица, совершающего хищение, нет к этому имуществу прав или отношения. Что подтверждено решениями высших судебных инстанций и Пленумом Верховного Суда РФ, который определяет чужое имущество как то, что не находится в собственности или законном владении виновного. В теории уголовного права выделяются четыре признака предмета хищения: физический (материальные объекты), социальный (объекты, созданные трудом человека), юридический (чужое имущество) и экономический (имущество с хозяйственной ценностью)» [39, с. 48-49].

А.С. Петров также определяет «три признака хищения: физический или вещный признак имущества; комплекс экономических признаков и комплекс юридических признаков» [23, с. 43-44].

«Правильнее выделять три признака предмета хищения: предметный, экономический и юридический. Предметом хищения может быть движимое и недвижимое имущество, причем движимое встречается чаще. Это осязаемые вещи с определенными характеристиками.

Имущество – это вещи, имеющие определенное объемное выражение и воспринимаемые наглядно – зрительно или с помощью тактильной чувствительности» [23, с. 40].

«В предмет хищения не включают интеллектуальную собственность и энергию без признаков вещи. Корыстное завладение этими объектами не образует состав хищения, но может быть расценено как причинение ущерба собственнику или нарушение авторских прав. Незаконный доступ к компьютерной информации является самостоятельным преступлением по ст. 272 УК РФ. Предметом хищения могут быть не только наличные, но и безналичные средства, включая виртуальные деньги, совершаемое через использование высоких технологий или мошенничество с платежными документами. Этот аспект требует дополнительного изучения для квалификации преступлений» [23, с. 40].

«Необходимо особо выделить некоторые предметы, относящиеся к имуществу, но имеющие специфический статус. Речь идет о предметах преступлений, отнесенных законодателем к разделу 9 УК РФ (Преступления против общественной безопасности и общественного порядка), предусмотренных ст. 221 УК РФ (Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), ст. 226 УК РФ (Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств), ст. 229 УК РФ (Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ)» [22, с. 18].

Правовая квалификация хищения предметов, изъятых из гражданского оборота, представляет собой сложную теоретическую и практическую проблему в современном уголовном праве. Несмотря на то, что подобные деяния формально подпадают под общее определение хищения, их юридическая оценка может существенно варьироваться в зависимости от специальных норм уголовного законодательства. Данное обстоятельство приводит к возникновению правовых коллизий, выражающихся в несоответствии санкций за фактически тождественные деяния, что противоречит фундаментальным принципам уголовного права - законности (ст. 3 УК РФ) и равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Особую сложность представляет квалификация хищений, совершаемых из специализированных учреждений, таких как охотничьи магазины или фармацевтические предприятия, где могут находиться предметы с особым правовым статусом. В подобных случаях требуется тщательный анализ как объекта преступного посягательства, так и предмета хищения, поскольку их правовая природа может обуславливать необходимость применения различных статей Уголовного кодекса (ст. 158 или ст. 226 УК РФ).

Существенной проблемой правоприменительной практики является отсутствие единообразного подхода к определению квалифицирующих признаков указанных составов преступлений. Различия в их толковании, а также недостаточная определенность разъяснений Пленума Верховного Суда

РФ по данному вопросу [26] создают предпосылки для судебных ошибок и нарушения принципа справедливости при назначении наказания. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и судебной практики в части квалификации хищений предметов с особым правовым статусом.

«В ст. 158 УК РФ выделены такие квалифицирующие признаки: группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, с причинением значительного ущерба гражданину, из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (ч. 2); с незаконным проникновением в жилище либо в крупном размере (ч. 3); организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4). В ст. 226 УК РФ выделено гораздо меньше признаков, усиливающих ответственность: группой лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения и с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 3); организованной группой или с насилием, опасным для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия» [22, с. 18].

Необходимо уточнение правил квалификации хищений с учетом специфических обстоятельств, указанных в ст. 158 УК РФ, и возможное введение дополнительных квалифицирующих признаков.

«Законодатель признает тайное хищение оружия более опасным, чем кражу с проникновением в магазин их охотничьей одежды и других вещей. Недостаточно конкретных разъяснений от Пленума Верховного Суда РФ по правилам квалификации таких специальных хищений, как описано в ст. 158 УК РФ. Требуется специальное толкование высших судебных инстанций по применению норм о хищении, и возможное введение дополнительных квалифицирующих признаков, включая «с проникновением в помещение либо иное хранилище» из ст. ст. 221, 226, 229 УК РФ.

Недвижимое имущество, согласно ст. 130 ГК РФ, включает земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, включая здания и

сооружения. К недвижимости также относятся воздушные и морские суда, городские квартиры и другие подобные объекты. В условиях рыночных отношений некоторые частные предприятия могут также быть признаны предметами хищения, так как они являются объектами гражданских прав и относятся к недвижимости по ст. 132 ГК РФ.

Существуют различные точки зрения по поводу признания недвижимости объектом хищения. Некоторые специалисты считают, что недвижимость не может быть предметом хищения, другие утверждают, что это применимо только к объектам недвижимости, которые могут быть в частной собственности. Недра и полезные ископаемые, по их мнению, являются государственной собственностью и не могут быть отчуждены.

Самовольный захват недвижимости не рассматривается как хищение из-за временного характера такого захвата. Таким образом, в формах хищения, таких как кража, грабеж или разбой, недвижимость вряд ли может быть признана предметом хищения.

Предметом хищения могут быть неделимые и сложные вещи, главная вещь и ее принадлежность, плоды, продукция, домашние животные, а также урожай (фрукты, посевы сельскохозяйственных культур), поскольку он аккумулировал определенные производственные и трудовые затраты, т.е. овеществленный или «живой» труд, и в силу этого обладает стоимостью» [15, с. 171].

В уголовно-правовой доктрине предмет хищения не ограничивается материальными объектами и денежными средствами в их традиционном понимании. В соответствии с положениями статьи 143 Гражданского кодекса РФ, к предмету хищения относятся также ценные бумаги, обладающие признаками вещных прав, включая, но не ограничиваясь: государственные облигации, векселя, чеки, депозитные и сберегательные сертификаты, а также иные документы, отвечающие критериям ценных бумаг, установленным гражданским законодательством. Данная правовая позиция основана на имущественной природе ценных бумаг, которые, будучи документарными

воплощениями имущественных прав, обладают признаками оборотоспособности и экономической ценности, что позволяет рассматривать их в качестве потенциального объекта преступного посягательства.

«А.Г. Комягинский, заместитель председателя правления и директор филиала в г. Москве «Анкор Банк Сбережений» (АО), совершил растрату в особо крупном размере. Действуя с использованием своего служебного положения, он причинил банку ущерб, нарушив свои обязанности по сохранности имущества банка и правила совершения операций.

Суд признал его виновным по ч. 4 ст. 160 УК РФ и назначил наказание в виде 3 лет лишения свободы, которое заменено условным с испытательным сроком 3 года. А.Г. Комягинский обязан уведомлять о смене места жительства и регулярно являться на регистрацию в государственный орган контроля. Гражданский иск о взыскании ущерба оставлен без рассмотрения в уголовном порядке» [29].

В уголовно-правовой доктрине установлено, что предметом хищения могут выступать исключительно объекты, обладающие признаками имущественной ценности. Документы, лишённые свойства воплощать имущественные права либо не выполняющие функции суррогатов денежных средств (валютных заменителей), не подпадают под категорию предмета хищения. В случаях незаконного завладения подобными документами с последующей целью их фальсификации и использования в противоправных целях, содеянное подлежит квалификации как приготовление к мошенничеству (ст. 30, 159 УК РФ), поскольку отсутствует непосредственное посягательство на имущественную сферу потерпевшего.

Особую сложность в правоприменительной практике представляет разграничение составов хищения (глава 21 УК РФ) и экологических преступлений (глава 26 УК РФ), таких как незаконная добыча водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ) и незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). Природные объекты, не обладающие экономической ценностью в силу отсутствия у них меновой

стоимости (хотя и имеющие экологическую, научную или иную нематериальную ценность), не могут рассматриваться в качестве предмета хищения. Данное положение основывается на том, что объектом экологических преступлений выступают не имущественные отношения, а экологическая безопасность и рациональное природопользование. Более детальный анализ критериев отнесения объектов к предмету хищения будет представлен в последующих разделах настоящего исследования.

«Не менее важный признак хищения – совершение изъятия и обращения чужого имущества с корыстной целью. Этот признак не вызывает больших дискуссий. Большинство специалистов поддерживают такую законодательную интерпретацию. Однако есть авторы, которые полагают, что происходит смешивание понятий мотива и цели преступления» [22, с. 19].

«Мнение о возможности совершения «бескорыстных хищений» основывается на идее, что корыстный мотив не всегда является обязательным условием для хищения. Некоторые утверждают, что ущерб может быть причинен по мотивам мести, ревности или с целью привлечения внимания к себе правоохранительных органов или потерпевшего. Однако такое мнение представляется ошибочным. Корыстная направленность действий при изъятии чужого имущества является основным отличием хищения от других преступлений против собственности.

Суть хищения заключается в корыстной цели субъекта – незаконном обогащении за счет чужого имущества. Корыстная цель сохраняется, даже если субъект действует в интересах третьих лиц или передает похищенное имущество другим. Вопрос заключается в том, движет ли субъектом хищения корысть или другие мотивы. Если похищенное передается в благотворительных целях или для возмещения ущерба, это не всегда указывает на корыстную цель. Однако, если хищение осуществлялось по мотивам мести, страха или по найму, и впоследствии передавалось для обогащения, имеется корыстная цель. В таких случаях деяние следует квалифицировать как хищение (ст. 158 УК РФ). Если цель проникновения в

жилище не была корыстной, речь идет не об отсутствии состава преступления в целом, а об отсутствии хищения. Действия виновных должны быть квалифицированы как нарушение неприкосновенности жилища по ст. 139 УК РФ» [21, с. 212].

«Для субъектов хищения в ст. 20 УК РФ установлен общий возраст уголовной ответственности – 16 лет и пониженный 14-летний возраст. Административная ответственность за хищение возможна для физических лиц с 16 лет. За хищения с насилием или угрозой его применения установлены более строгие виды наказаний: принудительные работы, лишение свободы на срок до 7 или до 8 лет» [21, с. 212].

Приведем пример из судебной практики. «По приговору районного суда К.Д.С., Н.А.Г. и Ш.С.А. были осуждены по ст.139 УК РФ за незаконное проникновение в жилище П. Их действия были переквалифицированы со ст. 158 УК РФ (кража с проникновением в жилище) так как в судебном заседании цель проникновения не была точно определена и все подсудимые указали на то, что действовали без корыстной цели» [1].

Сущность хищения как уголовно наказуемого деяния заключается в причинении реального имущественного ущерба собственнику или законному владельцу материальных ценностей. Отсутствие фактического ущерба исключает состав оконченного преступления, позволяя квалифицировать содеянное лишь как покушение на хищение (ч. 3 ст. 30 УК РФ). В уголовно-правовой доктрине имущественный ущерб понимается как конкретно исчисляемый материальный вред, количественно выражающийся в стоимости незаконно изъятого имущества на момент совершения преступления.

Принципиальное значение имеет разграничение реального ущерба, подлежащего возмещению в рамках уголовного дела, и упущенной выгоды, а также иных форм потенциальных экономических потерь, которые не учитываются при квалификации хищения. Данный подход основан на положениях гражданского законодательства о составе убытков (ст. 15 ГК РФ),

но с учетом специфики уголовно-правовой защиты имущественных отношений.

Особую сложность в правоприменительной практике представляет определение стоимостной оценки похищенного имущества, что обусловлено динамичным характером рыночных цен и зависимостью стоимости от множества объективных факторов.

Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, «определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов. Размер материального ущерба зависит не только от стоимости похищенного. При определении размера необходимо учитывать стоимость имущества на день принятия решения о возмещении вреда с ее последующей индексацией на момент исполнения приговора» [27].

«В современной России уголовная ответственность за хищения не зависит от формы собственности похищенного имущества, что соответствует принципам демократического и правового государства. Понятие хищения включает в себя преступность и противоправность завладения имуществом, умышленность и безвозмездность присвоения, а также незаконность изъятия у законного владельца. Хищение отличается от других преступлений против собственности своей уникальной уголовно-правовой характеристикой, состоящей из объективных и субъективных элементов» [22].

Установление данных признаков позволяет выявить основания для уголовной ответственности за хищение.

2.2 Формы и виды хищения

В Уголовном кодексе Российской Федерации «ответственность за хищение чужого имущества дифференцируется в зависимости от того, каким способом совершается посягательство на отношения собственности. Этот признак выделяет следующие формы хищения:

- кража,
- грабеж,
- разбой,
- мошенничество,

присвоение или растрата вверенного имущества» [16, с. 177].

Рассмотрим кражу как форму хищения. Она представлена в Уголовном Кодексе ст. 158 и определена как тайное хищение чужого имущества.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27.12.2002 «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [27].

«Объективная сторона кражи заключается в тайном хищении чужого имущества. Под хищением применительно к краже понимается тайное ненасильственное изъятие чужого имущества.

Субъективная сторона кражи характеризуется виной в виде прямого умысла. При этом лицо руководствуется корыстным мотивом и преследует цель незаконного извлечения имущественной выгоды» [3, с. 19].

«Квалифицированные виды кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ) характеризуются ее совершением:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище;
- с причинением значительного ущерба гражданину;
- из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» [16, с. 178].

В соответствии с пунктом «а» части 2 статьи 158 УК РФ, квалифицирующим признаком кражи является ее совершение «группой лиц по предварительному сговору». Данная формулировка предполагает наличие согласованных действий двух или более лиц, достигших предварительной договоренности о совместном совершении преступного деяния. Юридическая сущность этого квалифицирующего признака заключается в наличии у участников группы единого преступного умысла, сформированного до начала выполнения объективной стороны состава преступления, что свидетельствует о повышенной степени общественной опасности ввиду скоординированности и организованности преступных действий.

Совершение кражи без признаков предварительного сговора участников образует основной состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 158 УК РФ. Однако в судебной практике установление факта группового характера преступления (даже при отсутствии предварительного сговора) может рассматриваться как отягчающее обстоятельство при назначении наказания в соответствии со статьей 63 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает квалифицирующий признак, предусмотренный пунктом «б» части 2 статьи 158 УК РФ, - совершение кражи «с незаконным проникновением в помещение или хранилище». Данный признак характеризует особый способ совершения преступления, связанный с преодолением установленных преград для доступа к охраняемому имуществу, что существенно повышает степень общественной опасности деяния. Понятия «помещение» и «хранилище» в данном контексте имеют строгое юридическое определение, закрепленное в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

«Наиболее опасными считаются виды кражи, предусмотренные ч. 4 ст. 158 УК РФ, совершенные:

- организованной группой,
- в особо крупном размере» [16, с. 178].

В соответствии с положениями статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, кража определяется как тайное хищение чужого имущества. Как следует из примечания к указанной статье, обязательными признаками данного состава преступления являются: корыстная цель, противоправность действий, безвозмездность изъятия, фактическое извлечение имущества из владения собственника и причинение имущественного ущерба.

Корыстный мотив в контексте кражи традиционно понимается как стремление виновного к незаконному обогащению. Однако уголовно-правовая доктрина и судебная практика признают возможность совершения данного преступления при наличии иных побуждений, таких как альтруистические намерения или желание восстановить предполагаемую справедливость (например, возврат долга без обращения в официальные инстанции). Это свидетельствует о том, что корыстная цель, хотя и является типичной, не составляет обязательного элемента субъективной стороны преступления.

Противоправность как признак кражи выражается в нарушении установленного законодателем запрета на незаконное завладение чужим имуществом. Данный признак носит универсальный характер и присущ всем преступлениям против собственности.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии kleptomании на квалификацию деяния. При умеренно выраженной kleptomании, когда лицо сохраняет способность осознавать фактический характер своих действий, но испытывает патологическую тягу к воровству, данный фактор может учитываться судом при индивидуализации наказания как обстоятельство, смягчающее ответственность. В случаях же тяжелой формы этого

психического расстройства, исключающей возможность лица осознавать противоправность своих действий, может ставиться вопрос о невменяемости субъекта преступления.

Безвозмездность как обязательный признак кражи подразумевает отсутствие какой-либо компенсации собственнику за похищенное имущество. Данный аспект имеет существенное значение при разграничении кражи от смежных составов преступлений и может учитываться в качестве смягчающего обстоятельства.

Критерий тайности хищения включает два аспекта: объективный (отсутствие очевидцев преступления либо их неспособность воспринимать происходящее) и субъективный (убежденность виновного в том, что его действия остаются незамеченными).

Важной характеристикой кражи является ее ненасильственная природа. В случаях, когда хищение сопряжено с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, деяние квалифицируется как грабеж (ст. 161 УК РФ). Если же хищение совершено с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, оно подлежит квалификации по статье 162 УК РФ как разбой.

Таким образом, кража как форма хищения представляет собой сложный состав преступления, требующий тщательного анализа всех объективных и субъективных признаков для правильной квалификации. Особое значение при этом приобретает разграничение кражи от смежных составов преступлений против собственности, что имеет принципиальное значение для обеспечения законности и справедливости при отправлении правосудия.

«Кража является преступлением против собственности и относится к хищениям. Для кражи, как вида хищений характерно наличие таких признаков как корыстная цель, противоправность, изъятие чужого имущества, безвозмездность изъятия имущества и причинение ущерба. Специфическим

признаком кражи, который позволяет отграничивать кражу от иных преступлений против собственности является тайность хищения» [5, с. 180].

Следующий вид хищения – мошенничество.

Мошенничество определено как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «в случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него» [28].

Предметом мошенничества может быть, как чужое имущество, так и право на имущество (специфика данного хищения).

Суть мошенничества заключается в хищении или приобретении права на чужое имущество через обман или злоупотребление доверием.

«С объективной стороны мошенничество заключается в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество одним из двух указанных в законе способов: путем обмана или путем злоупотребления доверием» [16, с. 179].

«Обман как способ хищения чужого имущества может иметь две разновидности: активный обман и пассивный обман» [4, с. 35].

Мошенничество как уголовно-наказуемое деяние обладает материальным составом, что предполагает обязательное наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба потерпевшему. Субъективная сторона данного преступления характеризуется исключительно прямой формой вины: виновное лицо

осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления преступного результата и желает его наступления.

Ключевым элементом субъективной стороны выступает корыстная цель, проявляющаяся в стремлении преступника к незаконному обогащению за счет чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Субъект преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, - физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Данный возрастной ценз установлен законодателем с учетом особой сложности состава мошенничества, требующего от виновного способности к осознанию не только противоправности своих действий, но и механизма реализации преступного замысла посредством обманных схем.

Отличительной особенностью субъекта мошенничества является наличие у него специальных познаний или социального статуса, позволяющих осуществлять обманные действия профессионально, что существенно повышает общественную опасность данного преступления по сравнению с другими формами хищения.

Ещё один вид хищения – присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – хищение чужого имущества, вверенного виновному.

Присвоение - хищение вверенного имущества путем его противоправного обращения лицом в своих интересах и установления над ним незаконного владения (ст. 160 УК РФ);

Растрата - хищение вверенного имущества путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам (ст. 160 УК РФ).

В соответствии с п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «... присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника» [27].

Согласно абз. 3 п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам». [27].

«Объективной стороной присвоения выступает незаконное обращение вверенного имущества в пользу виновного без эквивалентного возмещения; растраты – незаконное и безвозмездное использование или отчуждение вверенного имущества (продажа, дарение, передача в долг и т.д.).

Субъективная сторона – вина, которая выражается в прямом умысле, соответственно виновный руководствуется корыстным мотивом и стремится извлечь незаконную выгоду за счет других. Субъектом присвоения и растраты является специальное лицо, которому вверено имущество по договору, должностному положению или поручению для управления, распоряжения, доставки или хранения. Это лицо обладает определенными полномочиями в отношении этого имущества.

Отличительной особенностью растраты является отсутствие факта изъятия, поскольку имущество находится во владении виновного лица на каком-либо правовом основании. Это может быть должностное или служебное положение, договор либо поручение. Следует обратить внимание, что отсутствие такого полномочия должно квалифицироваться как кража» [11, с. 41].

Следующий вид хищения – «грабеж, определенный в статье 161 УК РФ, представляет собой форму открытого хищения чужого имущества. В данном случае, основной характеристикой являются действия, направленные на открытое хищение имущества» [11, с. 41].

«Грабеж – такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие

при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали они меры к пресечению этих действий или нет (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)» [27].

Обязательным признаком объективной стороны грабежа является «причинная связь между противозаконными действиями виновного и наступившими вредными последствиями» [33, с. 10].

«Субъективная сторона грабежа характеризуется прямым умыслом. Руководствуясь корыстным мотивом, виновный преследует цель незаконного извлечения наживы за счет чужого имущества. Состав грабежа – материальный. Субъект грабежа – лицо, достигшее возраста 14 лет» [16, с. 180].

Квалифицированный грабеж (ч. 2 ст. 161 УК РФ) характеризуется его совершением: группой лиц по предварительному сговору (п. «а»), с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище (п. «в»), с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г»), в крупном размере (п. «д»). Особо квалифицированный состав грабежа (ч. 3 ст. 161 УК РФ) характеризуется его совершением организованной группой (п. «а») или в особо крупном размере (п. «б»). [37].

Разбой, предусмотренный статьей 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой наиболее опасную форму хищения, обладающую специфической криминологической характеристикой. Особенность данного состава преступления заключается в его формально-материальной конструкции, при которой общественная опасность деяния проявляется уже на стадии покушения, независимо от фактического завладения имуществом.

В отличие от других форм хищения, где обязательным признаком объективной стороны выступает изъятие чужого имущества, разбой характеризуется усеченным составом, который считается оконченным с

момента совершения нападения, соединенного: с применением насилия, представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего; либо с угрозой применения такого насилия. Данная законодательная техника подчеркивает повышенную степень общественной опасности этого преступления.

Качественное отличие разбоя от иных форм хищения проявляется в двойственности его непосредственного объекта. Наряду с отношениями собственности, охраняемыми уголовным законом, объектом преступного посягательства выступает личная (физическая) безопасность потерпевшего. Такой дуализм объектов предопределяет особую социальную опасность разбоя и объясняет более строгие санкции, предусмотренные законодателем за его совершение.

Субъективная сторона разбоя характеризуется исключительно прямым умыслом: виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления преступных последствий и желает их наступления. Обязательным признаком субъективной стороны является корыстный мотив, направленный на незаконное завладение чужим имуществом. Субъектом данного преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, что обусловлено особой тяжестью данного деяния и способностью несовершеннолетних данной возрастной категории осознавать его общественную опасность.

Квалифицированные составы разбоя (части 2-4 статьи 162 УК РФ) предусматривают повышенную уголовную ответственность за совершение преступления: группой лиц по предварительному сговору; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего; в особо крупном размере; организованной группой. Особого внимания заслуживает квалифицирующий признак, связанный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, который трансформирует состав преступления, делая его посягательством не

только на собственность, но и на важнейшее нематериальное благо - жизнь и здоровье человека.

Указанные особенности правовой регламентации разбоя подчеркивают его исключительную опасность среди других форм хищения и обуславливают необходимость применения более строгих мер уголовной ответственности, что соответствует принципу дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступления.

В своей работе Д.Ю. Маркелов ссылается на мнение А.Н. Игнатова, который высказывается: «Нельзя согласиться, что основным объектом при разбое выступают отношения собственности, а дополнительным – здоровье личности. Личность является высшей ценностью в правовом государстве (ст. 2 Конституции РФ). Не случайно законодатель сконструировал состав разбоя иначе, чем составы других видов хищения» [20, с. 95].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании сложноорганизованной системы форм хищения, объединенных родовыми признаками противоправного изъятия чужого имущества. В доктринальной классификации уголовного права традиционно выделяются следующие основные модальности данного преступления: латентные формы незаконного завладения (кража, мошенничество, растрата), характеризующиеся скрытым характером изъятия; насильственные формы (разбой, грабеж), предполагающие открытый способ совершения с применением насилия; коррупционно-ориентированные формы (присвоение или растрата вверенного имущества), связанные с использованием специального статуса виновного; квалифицированные формы, сопряженные с причинением значительного материального ущерба.

Каждая из указанных форм обладает специфической криминологической характеристикой и особым механизмом причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям собственности. При этом их системное единство обеспечивается наличием общих конститутивных

признаков хищения: противоправности, безвозмездности, корыстной направленности и причинения имущественного ущерба.

Тайное хищение характеризуется скрытым характером действий преступника, исключая осознание потерпевшим факта изъятия имущества. Данная форма включает различные способы реализации преступного умысла, начиная от классической кражи до изощренных схем мошенничества. Насильственное хищение отличается открытым характером посягательства с применением насилия (разбой) или угрозы его применения (грабеж), что существенно повышает степень общественной опасности деяния. Особую категорию составляют хищения, совершаемые с использованием доверительных отношений или служебного положения, где преступник злоупотребляет своим особым статусом.

Современные тенденции преступности демонстрируют появление новых, технологически обусловленных форм хищения, среди которых особого внимания заслуживают так называемые киберхищения. Данный вид преступной деятельности предполагает использование компьютерных технологий и сетевых ресурсов для незаконного завладения денежными средствами или конфиденциальной информацией. Технологическая сложность и трансграничный характер таких преступлений создают существенные проблемы для их раскрытия и квалификации.

Эволюция форм и способов хищения находится в прямой зависимости от технологического прогресса и социально-экономических изменений в обществе. В этой связи эффективная борьба с хищениями требует постоянного совершенствования правового регулирования, разработки новых криминалистических методик и укрепления международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Особое значение приобретает необходимость своевременной адаптации уголовного законодательства к новым вызовам, связанным с цифровизацией экономики и появлением инновационных способов совершения имущественных преступлений.

2.3 Определение предмета хищения

«Предметом преступления, в частности хищения, является элемент материального или идеального мира, на который совершается воздействие. Несмотря на детальное изучение этого вопроса в науке гражданского и уголовного права, понимание предмета хищения остается предметом дискуссий» [40, с. 7].

В современной юридической и экономической науке понятие имущества подвергается многогранному анализу, раскрывающему его сложную правовую природу. Согласно доктринальным исследованиям, имущество представляет собой комплексную категорию, охватывающую: материальные объекты (вещи), обладающие физическими характеристиками; права требования (обязательственные права), включающие денежные и иные имущественные притязания; нематериальные активы, к которым относятся объекты интеллектуальной собственности (авторские права, патенты, товарные знаки), а также иные исключительные права. Данная триада отражает эволюцию имущественных отношений в условиях постиндустриальной экономики, где ценность нематериальных активов зачастую превосходит стоимость традиционных материальных благ.

В.В. Хилюта считает, что «под имуществом следует понимать:

- вещи или их совокупность (могут охватываться вещи, деньги и ценные бумаги);
- вещи и имущественные права;
- вещи, имущественные права и обязанности» [40, с. 7].

В уголовно-правовой науке, также нет единого мнения относительно понимания определения имущества.

«Существует две концепции, а именно:

- имущество, как физическая материальная субстанция;
- имущество, как предмет хищения - не только вещь, но и виртуальные ценности» [44, с. 19].

«В традиционном доктринальном подходе хищением считаются объекты материального мира, в которые вложен человеческий труд и ресурсы, такие как деньги и документы. Эти ресурсы конвертируются в ценности и имущество, на которое преступник не имеет права собственности» [44, с. 19].

Свое мнение выразил А.Ю. Филаненко: «Имущество – это предмет материального мира, который может быть объектом права собственности, иметь материальную ценность и определенную стоимость, представлять собой движимое и недвижимое имущество, на которое виновный не имеет не действительного, ни оспариваемого права собственности» [39, с. 15-16].

«Имущество в уголовном праве определяется как материальный предмет, созданный трудом и имеющий ценность. Оно может быть движимым или недвижимым и является чужим для виновного. Однако в гражданском праве понятие имущества шире и включает все, что связано с правом частной собственности, включая права владения, пользования и распоряжения. В уголовном праве переносятся объекты, на которые воздействует человек или которые выделены из гражданско-правовых сделок с природными ресурсами, что делает их объектом хищения.

Вместе с тем реальное состояние развития общественных отношений в сфере собственности такого, что без преобразования подходов в противодействии посягательствам на анализируемые отношения, в том числе в уголовно-правовом аспекте, невозможна эффективная борьба новым негативным социальным явлениям, причиняющим вред отношениям собственности» [34; с. 105].

«Цифровизация отношений собственности требует нового подхода к определению предмета хищения. Это включает в себя как материальные, так и нематериальные объекты, которые при нарушении закона причиняют ущерб собственнику» [43, с. 18].

«Электронная коммерция, основанная на широком применении информационных технологий в сети Интернет, в настоящее время стала

неотъемлемой и весьма значительной частью национальной экономики каждого государства» [17; с. 120].

Активный рост оборота криптовалютных активов и виртуальных ценностей в современной экономической системе обуславливает необходимость модернизации уголовно-правового регулирования с целью адекватного реагирования на новые вызовы. Развитие цифровых форм собственности порождает существенные сложности в процессе оценки их стоимости, что связано с присущей таким активам высокой волатильностью и отсутствием единых методик определения рыночной цены.

Ключевое значение для квалификации преступлений против собственности имеет установление справедливой рыночной стоимости похищенного, однако данный критерий не всегда позволяет в полной мере компенсировать причиненный ущерб, особенно когда речь идет об уникальных цифровых объектах или редких виртуальных активах. В этой связи особую актуальность приобретает привлечение специалистов-экспертов, обладающих специальными познаниями в области оценки цифровых активов, что способствует более точному определению размера материального ущерба.

В контексте глобальной цифровой трансформации социально-экономических отношений представляется объективно обусловленной необходимостью реконцептуализации традиционного понимания имущества посредством инкорпорации в его содержание нематериальных объектов. Данный процесс эволюционного развития правовой категории имущества, включающей ныне интеллектуальную собственность и цифровые активы, отражает закономерную адаптацию юридических конструкций к вызовам современной технологической эпохи.

Такая модернизация имущественной парадигмы соответствует фундаментальным принципам динамического развития права, требующего адекватного реагирования на трансформацию предмета правового регулирования в условиях цифровой экономики. При этом расширение

традиционных имущественных границ осуществляется с сохранением базовых характеристик объекта гражданских прав, что обеспечивает преемственность правового регулирования. Такой подход позволит создать эффективный правовой механизм противодействия новым формам имущественных преступлений, возникающим в условиях развития цифровой экономики.

Современная адаптация понятия предмета хищения требует разработки гибкой правовой конструкции, учитывающей как материальные, так и нематериальные формы собственности. Комплексный подход должен включать не только нормативное закрепление новых видов имущественных ценностей, но и создание специализированной системы их оценки, основанной на применении современных экспертных методик и учете специфических характеристик цифровых активов.

Выводы по второй главе исследования.

Проведенный анализ категории «хищение» в уголовно-правовой доктрине позволяет сформулировать следующие выводы. Хищение представляет собой распространённое преступление против собственности, сущностная характеристика которого заключается в противоправном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц с корыстной целью. Данное деяние может совершаться как с применением насилия (в квалифицированных составах), так и без такового, что детерминирует дифференциацию уголовной ответственности.

Уголовно-правовая характеристика хищения предполагает выделение трёх видов составов: простого (основного), квалифицированного и особо квалифицированного, разграничение которых осуществляется по объективным (способ совершения, размер ущерба) и субъективным (форма вины, мотив) признакам. В рамках исследования были проанализированы основные формы хищения: кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или

растрата (ст. 160 УК РФ), каждая из которых обладает специфическими криминообразующими признаками.

Предмет хищения в уголовно-правовой доктрине понимается как элемент материального мира, на который направлено преступное посягательство. Однако современные дискуссии в правовой науке свидетельствуют о недостаточной разработанности данного понятия, особенно в контексте цифровой трансформации экономических отношений. Активное развитие цифровых активов и виртуальных ценностей обуславливает необходимость расширительного толкования предмета хищения, включающего как материальные, так и нематериальные объекты (криптовалюты, токенизированные активы, цифровые права).

Особую проблему представляет методика оценки ущерба при хищении цифровых активов, где традиционный критерий справедливой рыночной стоимости зачастую оказывается недостаточным ввиду высокой волатильности таких объектов. В этой связи приобретает особую актуальность совершенствование экспертных методик оценки, позволяющих адекватно определять размер причинённого ущерба, особенно в отношении уникальных или редко оборачиваемых активов.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что категория «хищение» в современном уголовном праве требует постоянного концептуального развития и адаптации к новым экономическим реалиям. Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства должно быть направлено на создание эффективного механизма защиты собственности в условиях цифровой экономики, что предполагает как расширение понятийного аппарата, так и разработку новых криминалистических методик расследования имущественных преступлений.

Глава 3 Проблемные аспекты правовой регламентации и правоприменительной практики в части хищения и предложения по их разрешению

На основании проведенного анализа можно утверждать, что существующая законодательная конструкция хищения требует существенного пересмотра. Это обусловлено необходимостью перехода к более универсальной концепции преступлений против собственности, которая минимизирует противоречия и неоднозначности при квалификации противоправных деяний.

В качестве оптимального решения предлагается введение в правовое поле термина «незаконное посягательство на чужое имущество» с последующей дифференциацией его форм. Подобный подход демонстрирует свою эффективность в уголовном законодательстве ряда зарубежных государств, в частности Германии, Франции и США, где он способствует более четкому разграничению составов преступлений и упрощает правоприменительную практику.

Таким образом, модернизация норм, регулирующих преступления против собственности, представляется логичным шагом в развитии уголовного права, направленным на повышение его системности и адаптивности к современным реалиям.

«Имущественные преступления часто совершаются с неопределенным умыслом из-за неизвестности преступнику суммарной стоимости похищаемого имущества. В этом контексте преступник предвидит ущерб, но не знает его точной величины. Согласно принципу субъективного вменения ответственности, человек должен осознавать последствия своих действий и иметь намерение совершить преступление» [41, с. 119].

Квалификация преступления в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации предполагает обязательное осознание лицом объективных признаков противоправного деяния. Уголовная ответственность

наступает лишь в случае совершения осознанных действий (бездействия), соответствующих объективной стороне состава преступления.

Важным аспектом правовой оценки является определение размера причиненного ущерба, которое должно осуществляться на основе унифицированной методики. В настоящее время в уголовном судопроизводстве применяются различные подходы к расчету ущерба, несмотря на общую цель – защиту имущественных интересов потерпевшего. В связи с этим представляется необходимым выработать единые критерии оценки ущерба, обеспечивающие последовательность судебной практики.

«Кража - тайное хищение чужого имущества, стоимостью свыше 2500 рублей. Если стоимость менее 2500 рублей, то это административное правонарушение» [4]. Анализ судебной практики свидетельствует о наличии систематических случаев квалификации общественно опасных деяний, обладающих признаками тяжких преступлений против собственности, в качестве малозначительных. В частности, это касается ненасильственных форм грабежа, которые, несмотря на значительную степень общественной опасности, нередко признаются мелким хищением ввиду незначительности причиненного ущерба. Подобная ситуация демонстрирует наличие существенных пробелов в действующем законодательстве.

Т.Д. Шевченко обращает внимание, что «несмотря на попытки законодателя углубить различие, существуют сложности как с технической, так и с криминологической точек зрения. Проблема оценки мелких хищений с квалифицирующими признаками остается актуальной, что указывает на несовершенство законодательства в данной области» [44].

Проблема заключается в том, что Кодекс РФ об административных правонарушениях не предусматривает ответственности за неоконченные административные правонарушения. Это создает правовую коллизию при квалификации покушения на мелкое хищение, поскольку отсутствие аналогичного состава в административном законодательстве затрудняет последовательное применение уголовно-правовых норм. Указанный пробел

требует законодательного разрешения для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

«ФИО1 совершила кражу в подъезде дома в Ярославле. Она похитила велосипед марки «NOVATRACK» стоимостью 8000 рублей, причинив гражданину значительный ущерб.

На этапе предварительного следствия ФИО1 признала свою вину и поддержала предложение о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства, что было подтверждено её адвокатом и государственным обвинителем. Потерпевший также согласился с таким порядком разбирательства.

Суд применил особый порядок судебного решения, учитывая согласие всех сторон и обоснованность обвинения, подтвержденную доказательствами.

ФИО1 была признана виновной по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ в совершении кражи. Ей было назначено штраф в размере 10000 рублей. С учетом предыдущего наказания, совокупное наказание составило ограничение свободы на 7 месяцев 21 день и штраф в размере 10000 рублей.

Также ФИО1 получила ограничения на период отбывания наказания: не менять место жительства без согласия специализированного органа и не выезжать из Ярославля без разрешения. Она также должна регистрироваться в специализированном органе один раз в месяц» [31].

Анализ судебной практики выявляет существенные сложности в разграничении административной и уголовной ответственности при хищении имущества незначительной стоимости. Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте введения статьи 158.1 УК РФ, регламентирующей ответственность за мелкое хищение. Несмотря на предпринятую законодателем попытку систематизации, указанная норма не в полной мере решает проблему объективной оценки степени причиненного ущерба и его влияния на квалификацию деяния.

В этой связи представляется необходимым проведение законодательной реформы, направленной на уточнение критериев определения значимости

ущерба и четкое разграничение ответственности в зависимости от категории похищенного имущества. Подобные изменения позволят сформировать единообразную судебную практику и обеспечить справедливое применение мер уголовной и административной ответственности с учетом фактических обстоятельств совершения правонарушения.

Проблема квалификации хищений во многом связана с неоднозначностью определения момента окончания данного преступления. Основная причина этой правовой коллизии заключается в существующем расхождении между законодательной формулировкой, акцентирующей внимание на факте причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества, и толкованием, предлагаемым высшей судебной инстанцией.

Данное концептуальное расхождение создает существенные сложности в правоприменительной деятельности, поскольку порождает различные подходы к квалификации одного и того же деяния. Устранение этого диссонанса требует либо законодательного закрепления четких критериев момента окончания хищения, либо выработки единообразной судебной практики, основанной на системном толковании действующих норм.

В теории уголовного права распространено мнение, что речь идет об одном и том же: «Ущерб наступает только тогда, когда собственник лишен возможности распорядиться своим имуществом, что естественно корреспондирует с обретением такой возможности похитителем» [44].

Современная правоприменительная практика сталкивается со значительными сложностями в определении момента окончания хищения, что особенно актуально в ситуациях, когда имущественный ущерб возникает до момента обретения виновным фактической возможности распоряжения похищенным. Данная коллизия приводит к парадоксальной ситуации, когда действия субъекта квалифицируются как покушение, несмотря на отсутствие у него реальной возможности реализации своих корыстных намерений в отношении изъятого имущества.

Яркой иллюстрацией указанной проблемы выступают случаи хищений с охраняемых объектов, когда задержание преступника происходит непосредственно после выноса материальных ценностей. В контексте мелких краж подобные действия зачастую признаются оконченным составом административного правонарушения, что при отсутствии нормы о неоконченном административном проступке автоматически влечет применение мер административной ответственности [19, с. 181]. В этой связи особую теоретическую и практическую значимость приобретает переход от классической теории завладения к современной теории изъятия, базирующейся на действующих законодательных конструкциях. Такой концептуальный сдвиг позволит достичь большей точности в определении финального момента хищения и обеспечит адекватную квалификацию противоправных деяний.

Отдельного научного осмысления требует проблема дифференциации хищения и правомерного обращения находки, центральным элементом которой выступает юридическая категория владения имуществом. Поскольку состав кражи требует доказательства факта изъятия имущества из чужого владения, вопрос установления владельческого статуса приобретает принципиальное значение. Однако теория уголовного права не выработала четкого определения владения, что вынуждает правоприменителей обращаться к конструкциям гражданского права, где данный институт также остается недостаточно разработанным.

В научной дискуссии сохраняется полемика относительно правовых традиций, которые должно учитывать российское законодательство: следует ли римской правовой традиции с ее разделением владения и держания, либо принять институт двойного владения, характерный для германской правовой семьи. Не менее дискуссионным остается вопрос о сохранении владельческого статуса собственником при передаче имущества внаем.

В практической плоскости особую сложность представляет разграничение ситуаций, связанных с находкой оставленных, потерянных или

брошенных вещей, от случаев хищения. Центральное место в данном вопросе занимает проблема определения владельческого статуса имущества и дифференциации забытых вещей от утраченных. Отсутствие четких критериев оценки данных обстоятельств создает существенные сложности в правоприменительной практике. «Владение в юридическом смысле понимается значительно шире, чем простое держание в руках или непосредственное использование вещью. Все имущество, находящееся в помещении, специальном хранилище, транспортном средстве (автомобиле, купе поезда), считается находящимся во владении лица, которому принадлежит помещение или который поместил там свои вещи.

Вещи, оставленные без присмотра в специальных местах (вокзал, аэропорт и т.д.), считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат. Поэтому, если пассажир оставил на время чемодан на вокзале без присмотра, отойдя в буфет, завладение этим чемоданом посторонним лицом квалифицируется как кража.

Забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом её возвратить. Если пассажир, забывает в такси свою сумку, а водитель либо последующий пассажир забирает ее с намерением обратить в свою пользу, он совершает кражу. Если гражданин забывает в туалете медицинского (или иного) учреждения свой телефон, а следующий человек забирает его с намерением обратить в свою пользу, он также совершает кражу» [24].

«Если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением действий, предусмотренных статьей 227 ГК РФ, совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т.д.) либо сокрытие признаков, позволяющих индивидуализировать вещь или подтвердить ее принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т.д.), то такое поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение» [25].

«Поскольку УК РФ относит к объективным признакам хищения не только изъятие, но и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, то необходима оценка не только факта завладения найденным имуществом, но и его обращения в свою пользу. Такое поведение приобретает общественно опасный характер и образует единое сложное деяние, направленное на неосновательное обогащение, и по своей природе является кражей» [25].

«Поэтому совершенствование законодательства в данной области может включать уточнение критериев и признаков хищения, а также детализацию ответственности за сокрытие найденной вещи или ее индивидуализирующих признаков с умыслом на хищение. Введение четких и ясных норм и критериев позволит избежать неоднозначной трактовки закона и обеспечит более эффективную защиту прав собственности и справедливость в правоприменительной практике. А именно, установить пороговые значения времени владения найденным имуществом до его возврата или передачи в органы, а также определить, какие действия с найденным имуществом могут быть признаны обращением его в пользу виновного» [45, с. 425].

Пример из судебной практики. «Подсудимый ФИО7 совершил кражу денежных средств в сумме 5 000 рублей, принадлежащих умершему ФИО1 на территории <адрес> ДД.ММ.ГГГГ в период с 09 до 15 часов. Подсудимый действовал умышленно, из корыстных побуждений, и похитил деньги, которые потом скрыл у себя.

На момент преступления ФИО1 уже был мертв, и ФИО7 был единственным очевидцем его смерти. По его словам, во время пребывания на месте происшествия ФИО1 напал на него, но был затем избит другим лицом, ФИО2. В результате ФИО1 был стащен ФИО2 в кусты, где и произошло нахождение денег, которые ФИО7 считал находкой.

ФИО7 отказывается признать свою вину, но свидетельства и вещественные доказательства, включая видеозаписи, подтверждают его причастность к краже.

С учетом всех обстоятельств и доказательств, ФИО7 признан виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Назначено наказание в виде лишения свободы на 1 год 3 месяца в исправительной колонии строгого режима.

Мера пресечения в виде содержания под стражей оставлена без изменения до вступления приговора в законную силу. Срок наказания начинается с момента вступления приговора в законную силу, с учетом времени содержания подсудимого под стражей.

Заявленные исковые требования потерпевшего ФИО8 о возмещении ущерба отклонены.

Приговор может быть обжалован в установленном законом порядке в течение 15 суток со дня его провозглашения» [30].

Проанализировав уголовное дело можно прийти к выводам, что «подсудимый ФИО7, совершив кражу денежных средств, по его словам, рассматривал это как находку на месте происшествия, где он столкнулся с насилием со стороны ФИО1 и ФИО2. Однако, в соответствии с действующим законодательством, независимо от его восприятия ситуации, его действия квалифицируются как кража. При анализе обстоятельств дела, подтвержденных свидетельствами и вещественными доказательствами, существует убедительное основание считать, что подсудимый был в курсе принадлежности денег умершему ФИО1. Его аргументы о том, что он считал деньги находкой в условиях страха и нападения, не могут быть признаны обоснованными для оправдания его действий. Таким образом, вопреки убеждениям подсудимого о характере его действий как находки, суд пришел к выводу о его виновности в совершении кражи. С учетом характера и тяжести совершенного преступления, а также отсутствия смягчающих обстоятельств, назначено наказание в виде лишения свободы на 1 год 3 месяца в исправительной колонии строгого режима» [30].

Проблема квалификации присвоения временно забытых или оставленных без присмотра материальных ценностей представляет собой

одну из наиболее дискуссионных тем в современной уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике. Отсутствие законодательно закрепленных критериев разграничения правового статуса утерянных и забытых вещей порождает существенные противоречия в судебных решениях по тождественным фактическим обстоятельствам.

С точки зрения цивилистической конструкции владения, представляющего собой юридически обеспеченную возможность осуществления фактического господства над вещью, временное отсутствие контроля собственника не может рассматриваться как автоматическое прекращение владельческого статуса. В отличие от утерянного имущества, которое выходит из владения помимо воли собственника, забытые или оставленные без присмотра вещи сохраняют свою правовую связь с законным владельцем.

Эмпирический анализ прокурорско-следственной практики демонстрирует распространенность случаев отказа в возбуждении уголовных дел по фактам присвоения забытых вещей, что мотивируется ссылками на забывчивость потерпевшего. Однако подобная аргументация игнорирует принципиальное отличие правового режима забытого имущества от утерянного, что приводит к ошибочной квалификации фактически противоправных действий.

В целях унификации судебной практики представляется целесообразным принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации специального постановления, содержащего развернутые критерии разграничения хищения и правомерного обращения находки, с акцентом на дифференциацию правового режима утерянного, забытого и оставленного без присмотра имущества. Параллельно следует рассмотреть вопрос о внесении в пункт 1 статьи 158 УК РФ уточняющего положения, раскрывающего корыстную природу хищения как безвозмездного изъятия чужого имущества с целью его обращения в собственную пользу.

Отдельного научного осмысления требует проблема дифференциации уголовной ответственности за различные формы грабежа. Проведенный нормативный анализ частей 1-3 статьи 161 УК РФ выявляет недостаточную степень разграничения между насильственными и ненасильственными формами данного преступления. Отсутствие четких квалифицирующих признаков для грабежа, сопряженного с насилием, не отвечает принципу адекватности уголовной ответственности степени общественной опасности деяния и требует законодательной корректировки.

Проблематичным представляется и расширительное толкование понятия «нападение» в судебной практике. Ключевым критерием при квалификации насильственного хищения должен выступать характер примененного насилия, а не формальный факт нападения. В этой связи предлагается пересмотреть уголовно-правовую характеристику грабежа, предусмотрев отдельные составы для насильственных и ненасильственных форм хищения.

Проблема дифференциации уголовной ответственности за различные формы грабежа требует отдельного научного осмысления. Нормативный анализ частей 1–3 статьи 161 УК РФ демонстрирует недостаточную степень разграничения между насильственными и ненасильственными формами данного преступления. Отсутствие четких квалифицирующих признаков для грабежа, сопряженного с насилием, противоречит принципу адекватности уголовной ответственности степени общественной опасности деяния, что обуславливает необходимость законодательной корректировки.

Не менее актуальной проблемой является расширительное толкование понятия «нападение» в судебной практике. Представляется, что ключевым критерием при квалификации насильственного хищения должен выступать характер примененного насилия, а не формальный факт нападения. В связи с этим целесообразно пересмотреть уголовно-правовую характеристику грабежа, предусмотрев отдельные составы для насильственных и ненасильственных форм хищения.

Особую озабоченность вызывает необоснованное смягчение наказания за разбойные нападения, связанное с отказом в квалификации по совокупности преступлений при наличии признаков тяжкого вреда здоровью. Для устранения данного пробела требуется внесение соответствующих изменений в уголовное законодательство.

В контексте совершенствования статьи 158 УК РФ предлагается введение квалифицирующего признака «с использованием служебного положения», замена признака «с причинением значительного ущерба гражданину» на «совершение хищения в значительном размере», а также увеличение минимального порога значительного ущерба. Кроме того, целесообразно включить в санкции частей 2 статей 158–161 УК РФ такой вид наказания, как ограничение свободы сроком от двух до трех лет.

Анализ норм о мошенничестве выявляет терминологическую несогласованность между понятиями «кража чужого имущества» и «приобретение права на чужое имущество». Устранение данного противоречия позволит исключить ошибочное толкование правовой природы мошеннических действий и способствовать единообразию судебной практики.

«А.Е. Тихонов, ранее судимый по различным статьям УК РФ, принял вину в совершении грабежа, совершенного в состоянии алкогольного опьянения. В ночное время, находясь в квартире, он похитил сотовый телефон стоимостью 8000 рублей, принадлежащий ФИО10, и скрылся с места преступления, причинив ущерб на указанную сумму. После требования потерпевшего вернуть имущество, Тихонов скрылся.

Суд признал вину Тихонова А.Е. подтвержденной материалами дела и согласился с обвинением. Обвиняемый сознал свою вину после консультации с адвокатом и понимает последствия приговора.

Судебное разбирательство проведено в особом порядке по ходатайству подсудимого, которое было рассмотрено с учетом согласия потерпевшего и без возражений со стороны государственного обвинителя и защитника.

А.Е. Тихонов признан виновным в грабеже (преступление квалифицировано по ч. 1 ст. 161 УК РФ)» [32].

Современные проблемы уголовно-правового регулирования мошенничества требуют особого научного осмысления. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о существенных сложностях, возникающих при квалификации мошеннических действий в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Особую актуальность приобретает вопрос совершенствования уголовного законодательства в связи с появлением новых способов совершения мошенничества, в том числе с использованием блокчейн-технологий и иных цифровых инноваций.

Действующие нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) отличаются излишней казуистичностью и не всегда обеспечивают адекватное правовое реагирование на современные формы противоправных деяний. Специальные составы мошенничества, регламентированные статьями 159.1-159.6 УК РФ, не устраняют существующие законодательные пробелы, а в некоторых случаях создают дополнительные сложности в правоприменительной практике.

В научной дискуссии обоснованно поднимается вопрос о целесообразности дальнейшего расширения специальных составов мошенничества. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «чем больше вводят в УК РФ дополнительных, уточняющих составов, тем больше у следователя, прокурора и суда возникает вопросов, как верно квалифицировать преступные действия». В этой связи представляется более рациональным совершенствование общей нормы о мошенничестве с учетом современных реалий, нежели дальнейшее фрагментирование уголовного закона.

Для минимизации судебного усмотрения при квалификации мошеннических действий целесообразно инкорпорировать в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство правовые позиции, изложенные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по

делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Таким образом, в качестве выводов по итогам рассмотрения проблематики данной главы и в контексте совершенствования законодательства о преступлениях против собственности представляется необходимым следующее:

- Четко разграничить уголовную ответственность за хищение и правомерные действия с находкой, разработав унифицированные критерии оценки статуса забытого и оставленного без присмотра имущества. Требуется законодательное закрепление понятия владения имуществом с учетом как уголовно-правовых, так и цивилистических конструкций.
- Ввести в уголовный закон понятие «незаконного посягательства на чужое имущество» как родового по отношению к хищению, что позволит устранить существующие квалификационные противоречия.
- Разработать единую методику определения размера ущерба, обеспечивающую постоянство судебной практики при оценке последствий преступного деяния.
- Уточнить критерии разграничения уголовной и административной ответственности за хищения, в частности, пересмотрев положения статьи 7.27 КоАП РФ.
- Устранить терминологические расхождения между законодательной дефиницией хищения и ее толкованием высшими судебными инстанциями, в частности, в части определения момента окончания преступления.

- Дифференцировать ответственность за насильственные и ненасильственные формы грабежа посредством введения специального состава для насильственного хищения.
- Ввести в часть 2 статьи 158 УК РФ квалифицирующий признак «с использованием служебного положения», отражающий повышенную общественную опасность таких деяний.
- Обеспечить адаптацию уголовного законодательства к современным технологическим вызовам, включая преступления в сфере цифровых технологий.

Реализация указанных мер будет способствовать совершенствованию уголовного законодательства в соответствии с принципами законности, справедливости и равенства всех перед законом, а также повышению эффективности уголовно-правовой охраны собственности в современных условиях.

Заключение

Историко-правовой анализ формирования понятия хищения в российском законодательстве представляет значительный научный интерес. Хотя современное юридическое определение хищения сложилось лишь в начале XX века, его исторические корни прослеживаются уже в ранних договорных актах Руси, в частности в соглашениях с Византией IX-X веков. Эти документы содержали важные положения об охране собственности, устанавливая трехкратное возмещение за хищение имущества как христиан у русских, так и наоборот.

Русская Правда как фундаментальный памятник древнерусского права ввела понятие «татьбы», которое в современной интерпретации охватывало не только кражу в узком смысле, но и иные имущественные преступления. Примечательно, что данный правовой акт уже предусматривал квалифицированные составы, выделяя особые виды хищений (пчел, ястребов, судов), что свидетельствует о ранней дифференциации ответственности. Субъектный состав преступлений против собственности включал различные социальные группы, при этом ответственность за деяния зависимых лиц возлагалась на их владельцев.

Дальнейшее развитие норм о хищении прослеживается в Псковской Судной грамоте и Судебнике 1497 года, где отмечается ужесточение санкций за тайное хищение по сравнению с открытым. Знаковым этапом стало принятие Артикула Воинского 1715 года, введшего термины «вор» и «воровство» и установившего критерий оценки ущерба по стоимости похищенного.

Революционный период 1917 года ознаменовался принятием Декрета «О мерах борьбы с хищениями» 1921 года, который впервые законодательно закрепил определение хищения, выделив особо растрату как его форму. Однако системное понятие хищения с указанием корыстной цели сформировалось лишь в 1990-х годах.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-правового регулирования хищения в основных правовых системах современности – континентальной, англо-американской, латиноамериканской и дальневосточной – выявляет существенные различия в подходах к определению данного состава преступления. Российская правовая система, сохраняя принадлежность к континентальной правовой традиции, тем не менее демонстрирует оригинальную концепцию квалификации хищения, отражающую специфику национального законодательства.

В российском уголовном праве легальное определение хищения, закрепленное в статье 158 УК РФ, включает систему обязательных признаков: противоправность деяния, корыстную направленность умысла, изъятие или обращение чужого имущества в пользу виновного либо третьих лиц, а также причинение имущественного ущерба собственнику. Предмет хищения при этом характеризуется троякой природой: предметный аспект (физическая сущность объекта), экономический аспект (стоимостная характеристика имущества) и юридический аспект (принадлежность имущества другому лицу на законных основаниях).

Особую дискуссионность в доктрине уголовного права вызывает проблема признания недвижимого имущества предметом хищения. В современной правовой доктрине превалирует позиция, согласно которой объекты, не могущие находиться в частной собственности в силу прямого законодательного запрета, должны быть исключены из круга возможных предметов хищения. Данная проблема требует дальнейшего теоретического осмысления и возможной законодательной корректировки с учетом развития имущественных отношений.

Особого внимания заслуживает корыстная цель как субъективный признак хищения. Судебная практика исходит из того, что данный мотив сохраняется даже при последующей передаче похищенного третьим лицам. Однако отсутствие корыстного мотива исключает квалификацию деяния как

хищения, переводя его в иную правовую плоскость (например, ст. 139 УК РФ при незаконном проникновении в жилище).

Современная система форм хищения включает кражу, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение и растрату. При этом законодатель сталкивается с необходимостью постоянной адаптации норм к новым социально-экономическим реалиям, включая цифровую трансформацию общественных отношений.

На основании проведенного исследования предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства:

- введение понятия «незаконного посягательства на чужое имущество» как родового по отношению к хищению;
- разработка единой методики определения размера ущерба;
- четкое разграничение хищения и находки с учетом статуса имущества (утраченное, забытое, оставленное);
- дифференциация ответственности за насильственные и ненасильственные формы хищения;
- введение квалифицирующего признака «с использованием служебного положения»;
- гармонизация норм о хищении с современными технологическими вызовами.

Реализация данных предложений будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны собственности в условиях динамично развивающихся общественных отношений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 55-АПУ19-9 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Бадмаева М.А., Каздueva Н.В., Решетникова В.С., Удиев Т.Х. История российского законодательства об ответственности за хищения // Аграрное и земельное право. 2021. № 2 (194). С. 145-148.
3. Базаров Р.С. Компаративный анализ уголовно-правового регулирования ответственности за хищение в форме кражи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-analiz-ugolovno-pravovogoregulirovaniya-otvetstvennosti-za-hischenie-v-forme-krazhi> (дата обращения 30.03.2025 г.).
4. Байрамуков К.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за хищения // Инновационная наука. 2023. № 4-1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ugolovnoyovtetstvennosti-za-hischeniya> (дата обращения 30.03.2025 г.).
5. Баринов С.В., Дадашов О.Н. Характеристика кражи как формы хищения // Вестник МГЭИ (on line). 2022. № 1. С. 173-180.
6. Богданов Н.Е. Развитие и становление российского законодательства об ответственности за хищение // Research Forum 2022: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 апреля 2022 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 23-26.
7. Бородулин В.С., Евтушенко И.И. Особенности квалификации кражи чужого имущества с банковского счета или в отношении электронных Sciences of Europe # 84, (2021) 21 денежных средств // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник научных трудов по материалам XII Международной научно-практической конференции. 2019.

С. 43-48.

8. Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 33-35.

9. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр «ЮрИнфоР», 2015. 248 с.

10. Дворецкий М.Ю. Направления совершенствования системы отдельных видов уголовных наказаний и иных мер исправления и безопасности в контексте оптимизации уголовной ответственности по УК ФРГ // Черные дыры в российском законодательстве. 2009. № 5. С. 86-88.

11. Ершова О.П. Формы и виды хищений в уголовном праве России // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 01 марта 2023 года. Иркутск : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 38-46.

12. Есаков Г.А. Корыстная цель в хищении и новое Постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2018. № 1. С. 47-52.

13. Заблудина А.А. Система преступления и наказания по Соборному Уложению 1649 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1002-sistema-prestupleniya-i-nakazaniya-po-sobornomuulozheniyu-> (дата обращения 30.03.2025 г.).

14. Зуева М.А. Становление российского законодательства об ответственности за хищение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3 (74). С. 132-135.

15. Иванов М.Г., Мирзоян М.Э. Виртуальная валюта как предмет хищений // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 17. С. 169-174.

16. Карясова Е.В. Формы хищения в Уголовном праве России, сравнительная характеристика // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 2 (71). С. 177-

183.

17. Косыгин В.Е. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения (часть 2) // Молодой ученый. 2020. № 6 (296). С. 118-121.

18. Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции / Н.Е. Крылова. - М. : Спарк, 1996. 124 с.

19. Магарамов К.И. Проблемы квалификации краж чужого имущества // Проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала, 2020. С. 180-182.

20. Маркелов Д.Ю. Понятие хищения и место мошенничества как формы хищения // Научный альманах. 2022. № 2-1(88). С. 94-97.

21. Медведева Е. Проблемы в определении понятия, признаков, форм и видов хищения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12-3(87). С. 211-214.

22. Насыбуллин Л.И., Пирогов П.П. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации // Sciences of Europe. 2021. № 84-2(84). С. 15-21.

23. Петров С.А. Корыстная цель в хищениях // Законность. 2017. № 9. С. 39-42.

24. Пирогов П.П. Развитие норм об ответственности за преступления против собственности по уголовному законодательству дореволюционной России // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России, Мурманск, 02-03 июля 2015 года. Мурманск: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2015. С. 229-238.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 N 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» [Электронный ресурс] // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения 30.03.2025 г.).

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.1995 N 5 (ред. от 27.12.2002) О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-25041995_1/ (дата обращения 30.03.2025 г.).

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Постановления Пленума Верховного Суда Р от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

29. Приговор районного суда города Москвы № 01-0144/2019 от 14 октября 2019 года по делу № 01-0144/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 30.03.2025 г.).

30. Приговор районного суда Забайкальского края № 1-55/2023 от 7 июня 2023 г. по делу № 1-55/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 30.03.2025 г.).

31. Приговор районного суда Ярославской области № 1-191/2023 от 13 октября 2023 г. по делу № 1-191/2023. [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 30.03.2025 г.).

32. Приговор районного суда Ярославской области по ч. 1 ст. 161 УК РФ № 1-304/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 30.03.2025 г.).

33. Селяков Н.А., Рогов С.Д. К вопросу о классификации форм хищения в уголовном законодательстве РФ // На пути к гражданскому обществу. 2020. № 4 (40). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosu-o-klassifikatsii-form-hischeniya-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rf> (дата обращения 30.03.2025 г.).

34. Сериева М.М. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Новый юридический вестник. ISSN 2410-700X Международный научный журнал «Символ науки». № 1. С. 104-106.

35. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2023 г.). [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения 30.03.2025 г.).

36. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (действующая редакция) [Электронный ресурс] // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 30.03.2025 г.).

37. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Упоров И.В. Становление советского уголовного законодательства (1918-1922 годы) и особенности ответственности за хищения // Наукосфера. 2023. № 5-2. С. 549-552.

39. Филаненко А.Ю. Хищение чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 38 с.

40. Хилюта В.В. Имущество как предмет преступлений против собственности в уголовном праве // Государство и право. 2009. №. 7. С. 96-101.

41. Хоменко С.М. Проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за кражу и мелкое хищение // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 118-121.

42. Шевелева С.В. Свобода воли и субъективные признаки состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 423-433.

43. Шевченко В.Ю. Объект и предмет преступления // Современная наука. 2013. №. 1. С. 17-22.

44. Шевченко Т.Д. К вопросу об эффективности уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение различных форм хищения // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 419-421.

45. Шумарин Д.В. К вопросу о совершенствовании Уголовного законодательства об ответственности за кражу // Наукосфера. 2023. № 6-1. С. 422-427.

46. Щербаков В.П. Уголовная ответственность за хищения в законодательстве зарубежных государств: вопросы уголовно-правовой теории и проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 153-159.